П. В. Каменскій.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ДНЯ.

Достовѣрное сказаніе.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типо-литографія М. С. Копылова, Проспектъ, собств. домъ.
1900.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 25-го Сентября 1900 г.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ДНЯ.

(ДОСТОВѢРНОЕ СКАЗАНІЕ).

Около 20-хъ чиселъ марта 1863 года въ г. Бердянскѣ, въ гостинницѣ „Бѣлаго Лебедя" орѣховскій 3-й гильдіи купецъ Поддубня, торговавшій чаемъ, дегтемъ и саломъ, разсказывалъ двумъ своимъ знакомымъ, Мазину и Колосовскому, о приключившихся ему злоключеніяхъ въ г. Маріуполѣ. Въ числѣ слушателей находился еще третій слушатель, неизвѣстный Поддубнѣ, но также внимавшій разсказчику; назывался онъ Григорій Власовъ Ильяшенко. Это былъ молодой человѣкъ 33 лѣтъ, блондинъ, внѣшней фигурой ничего изъ себя особеннаго не представлявшій, никакихъ, какъ говорится въ паспортахъ, особыхъ примѣтъ не имѣвшій. Онъ былъ уроженецъ гор. Николаева: въ описываемое время проживалъ съ женой въ г. Бердянскѣ, гдѣ занимался частно чертежными работами у мѣстнаго архитектора. До прибытія въ Бердянскъ, Ильяшенко находился на службѣ въ севастопольской инженерной командѣ морской строительной части чертежникомъ и былъ награжденъ, какъ это удостовѣряется оффиціальными документами, бронзовой медалью на Андреевской лентѣ.

Разсказъ Поддубни не былъ связный. Онъ началъ съ объясненія, въ чемъ состояло въ г. Маріуполѣ особое греческое управленіе, но его объясненія были мало уяснитель-

ны, ибо они сводились на повтореніе однихъ и тѣхъ-же словъ: каторжные греческіе порядки, проклятое греческое царство и т. п. Понятно, что эти повторныя фразы, переплетаемыя съ ругательствами, никакъ не знакомили съ учрежденіями, которымъ подчинялось въ то время греческое населеніе. На самомъ-же дѣлѣ, ознакомленіе съ этими учрежденіями не представляется дѣломъ сложнымъ.

Переселившіеся въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Крымскаго полуострова греки основали городъ Маріуполь и 23 греческихъ села. По позднѣйшимъ законодательнымъ актамъ они составили особый греческій округъ, и населявшіе его греки подчинялись исключительно созданному для нихъ учрежденію, называвшемуся греческимъ судомъ. Это было учрежденіе одновременно судебное, административное и полицейское. Его компетенція распространялась только на грековъ, другія національности вѣдѣнію этого суда не подлежали. Составъ суда состоялъ изъ предсѣдателя, и трехъ членовъ, которые назывались засѣдателями, секретаря и подчиненныхъ ему столоначальниковъ. Всѣ дѣла рѣшались коллегіально, и только по обычаю, но не по закону; практиковалось, что на одного ~~пред~~засѣдателя возлагались полицейскія обязанности, на другого обязанности слѣдователя, а третій завѣдывалъ хозяйственною частью. Исключая секретаря и подчиненныхъ ему, столоначальниковъ, остальной составъ суда избирался греческими поселенцами на трехлѣтній періодъ. Для этого одинъ разъ въ трехлѣтній періодъ каждое изъ 23-хъ греческихъ поселеній посылало въ гор. Маріуполь двухъ уполномоченныхъ, которые, вмѣстѣ съ представителями города, избирали часть состава греческаго суда, т. е. предсѣдателя и трехъ засѣдателей. По обычаю, принявшему вслѣдствіе своей неизмѣнной повторности силу закона, избирался всегда тотъ кандидатъ, который ставилъ избира-

телямъ больше вина. Такъ какъ въ составъ суда попадали большей частью люди, не только не блиставшіе административнымъ и судебнымъ опытомъ, но даже недостаточно грамотные, понятія коихъ не шли далѣе вопросовъ о „пашеницѣ и льнѣ“, то, для наставленія ихъ на путь законности и достодолжнаго уразумѣнія сихъ путей, правительствомъ назначался и присылался изъ губернскаго города Екатеринослава нарочито къ сему приспособленный секретарь, именовавшійся еще стряпчимъ и обладавшій прокурорскими правами.

Изъ дальнѣйшаго разговора, происходившаго между посѣтителями гостинницы „Бѣлаго Лебедя“, можно было узнать, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ членомъ греческаго суда состоялъ нѣкій обыватель гор. Маріуполя, Логафетовъ; онъ вѣдалъ полицейскую часть, былъ, такимъ образомъ, администраторомъ, имѣвшимъ своей задачей споспѣшествовать благоустроенію маріупольскаго греческаго округа и его обывателей. Въ этакой своей роли онъ ничего памятнаго потомству не оставилъ. Но за то, какъ полицейскій чинъ, руководившій обходами во время ярмарокъ въ Маріуполѣ, Логафетовъ пріобрѣлъ широкую извѣстность; молва соединяла его имя съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ и крупныхъ преступленій. Знаменитые логафетовскіе обходы, надолго сохранившіеся въ памяти потомства, обычно состояли въ слѣдующемъ: подъ своимъ начальствомъ Логафетовъ составлялъ отрядъ изъ сторожей греческаго суда и тѣхъ молодыхъ людей изъ города, которые на время ярмарки поступали въ его отрядъ въ качествѣ волонтеровъ. Съ такимъ отрядомъ, засѣдатель греческаго суда Логафетовъ отправлялся на ярмарку „смотрѣть за порядкомъ“. На самомъ же дѣлѣ вся эта банда предавалась разврату, кутежамъ и обжорству, благо, въ ярмарочныхъ кабакахъ и трактирахъ этихъ охранителей порядка безвозмездно кормили и поили, въ виду

ихъ начальственнаго значенія. Расправы же и суда искать было негдѣ, по дальности разстоянія отъ высшаго начальства, губернатора и по безплодности результатовъ разслѣдованій, производимыхъ присылавшимися чиновниками-ревизорами.

Однажды, во время такого начальствованія на ярмаркѣ со своимъ обходомъ, Логафетовъ повстрѣчалъ казака Капсуленко, который рѣзко отвѣтилъ на требованіе не курить. Произошла свалка; Капсуленко палъ, получивъ смертельную рану въ бокъ, нанесенную ему дротикомъ, который Логафетовъ носилъ вмѣсто палки. Хотя смертельный ударъ и не былъ нанесенъ лично Логафетовымъ, а однимъ изъ его споспѣшниковъ, тѣмъ не менѣе, въ гор. Маріуполѣ всѣ передавали за достовѣрное, что засѣдатель—убійца казака, что разслѣдованіе по дѣлу объ этомъ преступленіи не дало никакихъ результатовъ, вслѣдствіе того, что Логафетовъ успѣлъ склонить людей своего обхода къ дачѣ ложныхъ показаній, которыми его обѣлили. Молва указывала на изворотливость Логафетова передъ старой слѣдственной властью и добавляла, что Богъ покаралъ нѣкоторыхъ нечестивцевъ, лжесвидѣтельствовавшихъ послѣ присяги: увѣряли, будто лжесвидѣтели были поражены внезапной смертью сейчасъ, послѣ дачи ложныхъ показаній.

Обо всѣхъ этихъ изложенныхъ обстоятельствахъ разсказывалъ Поддубня своимъ слушателямъ. Одновременно передалъ онъ имъ и то, что лично надъ нимъ продѣлалъ Логафетовъ въ 1861 году. „Пріѣхалъ я, значитъ, съ товаромъ на ярмарку,—говорилъ Поддубня,—расторговался на первый сортъ, спустилъ всякаго товару, выручилъ чистоганомъ на деньги 5,015 рублей, запряталъ деньги подъ жилетку и, конечно, напился пьянъ, потребовалъ музыку“....

Когда въ загрязненномъ соромъ ярмарочномъ трактирѣ три оборванныхъ музыканта, вооруженныхъ двумя инструментами, похожими на скрипки и бубномъ, услаждали пьяный слухъ пьянаго Поддубни, въ другомъ углу того же трактира, Логафетовъ со своимъ отрядомъ предавался даровому обжорству и пьянству. Отуманенной чрезмѣрной ѣдой и излишне выпитымъ, Логафетовъ сталъ буйствовать и потребовалъ, чтобы музыка, услаждавшая Поддубню, немедленно стала бы играть передъ нимъ. Какъ ни былъ пьянъ Поддубня, но онъ выступилъ защитникомъ своихъ правъ, говоря, что онъ музыкѣ заплатилъ впередъ, и что онъ не отпуститъ, „пока она не отыграетъ своего"...

Произошло недоразумѣніе, въ результатѣ котораго Поддубня оказался выброшеннымъ съ завязанными назадъ руками въ какой-то полутемный чуланъ, названной арестантской камерой. Здѣсь Поддубня заснулъ крѣпкимъ пьянымъ сномъ, отъ котораго очнулся часовъ чрезъ пять, когда какой-то неизвѣстный человѣкъ сталъ выталкивать его на свободу. Ужасъ охватилъ узника, когда онъ, ощупавъ у себя подъ жилетомъ, замѣтилъ отсутствіе денегъ. Онъ сразу отрезвѣлъ и понялъ, что въ конецъ разоренъ, такъ какъ тамъ, подъ жилетомъ находилась выручка за весь полностью проданный товаръ; онъ понялъ, что теперь не было ни товара, ни денегъ. Осталась нищета. Поддубня обратился за помощью къ мѣстнымъ властямъ, но это оказалось безполезнымъ. „Тамъ проклятое греческое царство" — объяснилъ онъ своимъ слушателямъ, — „Логафетовъ богатъ, у него большая родня, знакомства, нашъ братъ ничего не подѣлаетъ!"... Писалъ Поддубня жалобу и губернатору, что вызвало разслѣдованіе особо командированнаго чиновника, который, исписавъ много бумаги, ни къ какому результату не пришелъ. Въ общемъ же жалобы на Логафетова Поддубни и другихъ лицъ, вызвали

устраненіе его отъ исполненія обязанностей члена греческаго суда. Отъ этого, конечно, не было легче Поддубнѣ: деньги его пропали. „По міру пустилъ, проклятый... грабитель"...—заключилъ свой разсказъ Поддубня, уснаститвъ свое заключительное слово тѣми богатыми по своимъ оттѣнкамъ ругательствами, которыя, (хотя еще и теперь нерѣдко слышатся на улицахъ въ большихъ даже городахъ) нетерпимы въ печати. Когда Поддубня кончилъ, Ильяшенко вмѣшался въ разговоръ. Онъ предложилъ Поддубнѣ „взяться" за его дѣло и пояснилъ, что раньше съ успѣхомъ велъ предъ начальствомъ дѣла молоканъ. Дѣйствительно, безспорными оффиціальными данными устанавливается, что Ильяшенко посѣщалъ колоніи молоканъ, осматривалъ ихъ на манеръ ревизора-чиновника, выражалъ имъ иногда свое благоволеніе, похвалы и обѣщанія предстательства предъ высшимъ начальствомъ въ Петербургѣ, каковаго, конечно, онъ никогда не исполнялъ и исполнять не могъ. При этомъ достойно замѣчанія, что Ильяшенко въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ „безъ всякой корыстной цѣли и даже безъ особой побудительной причины". (См. въ архивѣ екатеринославскаго окружнаго суда: журналъ рѣшеній за 1865 г. л. 29 л. д. 14 об).

На предложеніе Ильяшенко взяться за дѣло, Поддубня отвѣтилъ отказомъ, замѣтивъ... „съ чѣмъ же вести дѣло, когда я остался голъ какъ соколъ! „Ну такъ знайте", возразилъ Ильяшенко, „я вамъ этого самаго Логафетова въ кандалахъ чрезъ Бердянскъ отправлю въ екатеринославскую тюрму!" До сихъ поръ разговоръ происходилъ сравнительно спокойно и на вы, но, послѣ словъ, сказанныхъ Ильяшенко, Поддубня впалъ въ патетическій тонъ и перешелъ на ты: „будь благодѣтель, запри его въ тюрьму, послѣднюю сорочку сниму, отдамъ!"... завопилъ Поддубня. „Ничего не надо, только поставишь могарычъ", великодушничалъ Ильяшенко,

послѣ чего внезапно познакомившіеся заключили другъ друга въ объятія, и стали пить водку изъ вновь принесенной бутылки. Возлѣ этого сосуда объединилась вся компанія изъ четырехъ человѣкъ, и дружно вела громкимъ шопотомъ какой-то длинный разговоръ.

День 5 апрѣля 1863 года являлся однимъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, когда зима дѣлаетъ послѣднюю вылазку противъ наступающаго лѣта. Было „сиверко", какъ говоритъ нашъ простой народъ; небо заволокло сѣрыми тучами, которыхъ не могъ прогнать пронизывающій, ни на одну минуту не ослаблявшій своей порывистости сѣверо-восточный вѣтеръ; степь не успѣла еще покрыться зеленью, и вмѣстѣ съ сѣрымъ небомъ, представляла какъ бы сплошную сѣровато-бурую массу. Если-бы не длинные дни, да не особое весеннее освѣщеніе, которое, не смотря на закрывшія солнце тучи, всетаки ощущалось, можно было бы подумать, что времена года повернули вспять, что насталъ ноябрь мѣсяцъ. Едва образовавшійся накатъ по дорогамъ испортился. благодаря безпрерывно сыпавшемуся на землю мелкому дождю. Среди такой обстановки, въ указанный день 5 апрѣля, по дорогѣ изъ Бердянска въ Маріуполь, верстахъ въ двадцати отъ послѣдняго города, тащилась одноконная подвода, на которой сидѣли уже извѣстныя намъ лица: купецъ Мазинъ, мѣщанинъ Колосовскій и отставной чертежникъ Григорій Власовъ Ильяшенко. (См. въ архивѣ екатеринославскаго окружнаго суда дѣло, вступившее въ палату изъ александровскаго уѣзднаго суда обще съ городовой ратушей объ отставномъ чертежникѣ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Гр. Вл. Ильяшенко л. д. 15).

Верстъ болѣе 50 по невеселой дорогѣ ѣхали они; имъ оставалось до Маріуполя еще верстъ 25 такого же невеселаго пути. Предъ путниками простиралась все таже степь

однородная, сѣрая, безъ деревца, безъ какого то ни было пейзажа, на которомъ можно остановить глазъ. Но наши путешественники относились къ этому равнодушно и сидѣли на своей невзрачной повозкѣ, проникнутые той апатіей, которая по необходимости овладѣваетъ путникомъ, хорошо напередъ знающимъ, что никакими усиліями, хитростями, мольбами, ѣдущему не сократить, ни измѣнить долгихъ томительныхъ часовъ пути среди бозмолвныхъ степей.

Около четырехъ часовъ пополудни Ильяшенко и его товарищи подъѣхали къ Маріуполю и остановились въ предмѣстьи города, на Марьинской сторонѣ, въ одной изъ невзрачныхъ избъ; гостинницъ тогда въ Маріуполѣ не было и пріѣзжающіе останавливались въ частныхъ квартирахъ. Того же дня вечеромъ, когда уже стемнѣло, Ильяшенко розыскалъ домъ Логафетова и явился къ этому послѣднему. (журналъ рѣшенія екатеринославской палаты уголовнаго суда за 1865 г., л. 29). Какъ мы уже знаемъ, Логафетовъ въ то время не былъ властью: онъ былъ устраненъ отъ должности члена греческаго суда. Тѣмъ не менѣе онъ жилъ припѣваючи: былъ холостъ, богатъ, не особенно старъ, ему было около 50 лѣтъ, недугами не страдалъ, въ городѣ имѣлъ богатыхъ и сильныхъ родственниковъ, среди которыхъ онъ былъ свой и дорогой ихъ сердцу человѣкъ. Словомъ жилось ему хорошо, беззаботно, спокойно; его служебные подвиги его не тревожили, ибо всѣ разслѣдованія о его прошлыхъ дѣяніяхъ кончилось совсѣмъ благополучно: ни о какихъ судебныхъ преслѣдованіяхъ не было и рѣчи. Вотъ почему Логафетовъ свысока отнесся къ Ильяшенко, когда тотъ сталъ ему объяснять, что ему грозятъ непріятности по жалобамъ Поддубни, и когда Ильяшенко предложилъ ему свое содѣйствіе для улаживанія этого дѣла. Въ концѣ концовъ Логафетовъ грубо выпроводилъ Ильяшенко и, закрывая за нимъ

дверь, пропустилъ мимо ушей обращенное къ нему восклицаніе: „ты меня попомнишь!“... Понятно, что этимъ словамъ Логафетовъ не придалъ ровно никакого значенія.

Mihi non pudet fateri nescire, quod nesciam и мнѣ не стыдно сознаться, что у меня нѣтъ умѣнія писать творчески, создавая художественные типы, частично разбросанные въ жизни. Если бы я обладалъ такимъ умѣніемъ, я предпочелъ бы изобразить описываемыя событія въ формѣ комедіи или драмы, и въ этомъ мѣстѣ изображенія дѣйствительности опустилъ-бы занавѣсъ, закончивъ I-й актъ. Затѣмъ я началъ бы 2-й и послѣдній актъ. Такъ внесено было бы болѣе интереса и жизни въ настоящую работу; но, къ сожалѣнію, это не по силамъ мнѣ; я только смиренный лѣтописецъ-протоколистъ, и возстановляю забытую и, на мой взглядъ поучительную исторію по тому способу и пріему, какъ составляютъ обыкновенный судебный или полицейскій протоколъ. При этомъ я пользовался безспорными документами, хранящимися въ архивѣ екатеринославскаго окружнаго суда, просмотръ коихъ любезно былъ мнѣ предоставленъ почтеннымъ предсѣдателемъ названнаго суда И. П. Патономъ; затѣмъ я имѣю въ своемъ распоряженіи розысканную моимъ уважаемымъ товарищемъ уѣзднымъ членомъ таганрогскаго окружнаго суда В. С. Станкевичемъ корреспонденцію „Сына Отечества“ отъ 20 мая 1869 года и переданную ими мнѣ; наконецъ я широко воспользовался свидѣтельскими показаніями нѣкоторыхъ старожиловъ г. Маріуполя, которые были не только непосредственными свидѣтелями, но даже отчасти участниками описываемыхъ мною событій. Поль-

зуюсь случаемъ принесть мою глубокую благодарность этимъ старожиламъ, изъ которыхъ нѣкоторые не пожелали, чтобы я упомянулъ ихъ имена; я ихъ благодарю за ихъ длинныя, подробныя показанія и главнымъ образомъ за поразительную вѣрность и точность ихъ свидѣтельствъ, въ чемъ я убѣдился сопоставляя ихъ показанія съ документальными данными, хранящимися въ архивѣ екатеринославскаго окружнаго суда. Послѣ этого объясненія продолжаю прерванный протоколъ.

6 апрѣля 1863 года писарь, завѣдывавшій канцеляріей „Начальника Маріупольской команды внутренней стражи“, по заведенному порядку, въ 8 час. утра, явился въ небольшую комнату, на дверяхъ которой былъ прибитъ полу-листъ бумаги съ криво выведенною большими буквами надписью: „Канцелярія“. Писарь былъ изъ молодыхъ; эту должность онъ занималъ только съ 1862 года. Раньше онъ входилъ въ составъ команды, сформированной въ г. Екатеринославѣ изъ 40 рядовыхъ; команда была сформирована въ 1858 году, и въ тотъ же годъ была прислана въ городъ Маріуполь подъ начальствомъ ея постояннаго начальника капитана Лисенко. Въ команду, о которой идетъ рѣчь, входили солдаты лучшей репутаціи, имѣвшіе нашивки. По свидѣтельству старожиловъ въ то время господствовала строжайшая военная дисциплина: „достаточно было чихнуть во фронтѣ, чтобы получить въ морду отъ начальства“,—привожу подлинныя слова одного бывшаго солдата команды. Замѣчательно при этомъ, что, давая такія показанія, старожилы изъ бывшихъ солдатъ тѣмъ не менѣе добавляютъ: „жить было прекрасно“. Далѣе они объясняютъ что всѣ знали другъ друга, что „воровства, грабежа, мошенничества, извозчиковъ и гостиницъ не было“. Очевидно, значитъ, что продѣлки и преступленія Логафетова въ счетъ не шли; вѣроятно, ихъ игнорировали изъ уваженія къ его начальственному состоянію.

Писарь войсковой команды отличался какъ образцовый „службистъ“ и за образцовое исполненіе дисциплины, въ 1860 году, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Обязанности писаря онъ исполнялъ съ тѣмъ-же неизмѣннымъ усердіемъ, съ тѣмъ-же строгимъ исполненіемъ дисциплины, какъ и обязанности рядового.

Прійдя 6 апрѣля въ свою канцелярію, писарь подошелъ къ большому, неуклюжему, грубо сдѣланному, косому шкафу, досталъ изъ него нѣсколько толстыхъ тетрадей въ потертомъ переплетѣ и положилъ ихъ на тутъ-же стоявшій большой столъ, такой-же неуклюжій, какъ и шкафъ.

Затѣмъ, обмакнувъ въ пузырекъ съ черниломъ гусиное перо, онъ сталъ этимъ скрипучимъ орудіемъ выводить буквы на сѣрой, немного мохнатой и похожей на войлокъ бумагѣ, изъ которой состояли книги для входящихъ и исходящихъ бумагъ.

„Въ то время“ (такъ показываетъ бывшій писарь, нынѣ благополучно проживающій въ гор. Маріуполѣ), „твердымъ шагомъ, не спѣша, но и не медля, входитъ приличный, солидный, съ бравымъ видомъ господинъ лѣтъ тридцати. Роста онъ былъ выше средняго, блондинъ, одѣтъ въ плохенькое пальто свѣтло коричневаго цвѣта, замѣтно потертое; въ такія пальто обыкновенно наряжены приказчики, стоящіе за прилавкомъ.“ Неизвѣстный, войдя въ канцелярію, поздоровался съ писаремъ; послѣдній всталъ, вытянулся, поклонился, молча сѣлъ и сталъ опять усердно выводить буквы, но душа его была уже охвачена какой-то неясной тревогой.

Писарь почувствовалъ, что необычайное появленіе неизвѣстнаго господина не спроста.

Между неизвѣстнымъ и писаремъ въ это время завязался слѣдующій діалогъ.

Неизвѣстный.—Кто начальникъ?

Писарь.—Штабсъ-капитамъ Лисенко ..

Неизвѣстный.—Хорошо-ли обращается съ солдатами?

Писарь.—Такъ точно, все обстоитъ благополучно, позвольте доложиться начальн...

Неизвѣстный (рѣзко обрывая).—Не надо останься... Есть писчая бумага?

Уже послѣ второго вопроса писарь понялъ, что предчувствіе его не обмануло; ему показалось очевиднымъ, что предъ нимъ какой-то большой начальникъ, „ибо никто иной, какъ только начальникъ станетъ спрашивать, какъ обращаются съ солдатами“; отъ этой мысли онъ заволновался, „весь затрясся“ и дрожащею рукою положилъ на столъ 6 листковъ бѣлой бумаги.

Между тѣмъ, „большой начальникъ“ уже отдалъ сухо приказъ:

— Напиши на этой бумагѣ, что я скажу...

Оторопь охватила писаря, въ головѣ мелкнула мысль: удрать, убѣжать, но это была только мысль безъ рѣшимости; на самомъ дѣлѣ писарь боялся тронуться съ мѣста. Онъ только смогъ произнести тихимъ, умоляющимъ голосомъ:

— Позвольте доложить начальнику команды.

Но на эту мольбу неизвѣстный еще болѣе сухо, повысивъ голосъ, отвѣтилъ:

— Не надо .. Пиши!

Писарь покорно сѣлъ передъ листомъ бѣлой бумаги. Неизвѣстный, поглядывая въ памятную книжку, вынутую имъ изъ внутренняго кармана своего верхняго пальто, сталъ диктовать, а писарь записывать слѣдующее:

„По данной мнѣ власти Государя Императора Всероссійскаго Александра Николаевича, въ Царскомъ Селѣ, 18 мая 1862 года, лицомъ и Именемъ Котораго повелѣваю:

бывшаго засѣдателя сего суда Николая Логафетова, за грабежъ и смертоубійство“...

Но силы писаря ему измѣнили. Уже когда онъ выводилъ слово: „Государя Императора“, ему сперло духъ и онъ чувствовалъ, какъ земля уходитъ изъ подъ его ногъ. Когда же были упомянуты преступленія Логафетова, о которыхъ шопотомъ и почему-то со страхомъ говорилось въ городѣ, какъ будто-бы всѣ были соучастниками его преступленій, писарь всѣмъ своимъ существомъ постигъ, что передъ нимъ—великую власть имущая персона, и такъ заволновался, что его руки съ гусинымъ перомъ среди стиснувшихся пальцевъ запрыгали на бумагѣ. Начатый листъ былъ испорченъ появившейся на немъ чернильной кляксой и до неузнаваемости безобразно выведенными буквами послѣднихъ словъ, отражавшими пляску руки на бумагѣ.

Неизвѣстный прекратилъ диктантъ и повелительно сказалъ писарю:

— Встань, оправься, пройдись по комнатѣ, не надо дрефить!

Пока писарь оправлялся, неизвѣстный сталъ около двери, отрѣзавъ путь къ бѣгству.

— Ну, теперь пиши,—опять приказалъ неизвѣстный, и, послѣ вписанія на чистый листъ уже написаннаго, продолжалъ диктовать слѣдующее: „и вообще за всѣ злоупотребленія лишить всѣхъ правъ состоянія съ ссылкою на Алтайскіе заводы въ вѣчные работники, имѣніе продать съ публичнаго торга и удовлетворить всѣхъ должниковъ и претендентовъ; а остальное затѣмъ должно поступить въ казну“, Просмотрѣвъ написанное неизвѣстный собственноручно „подписуетъ“ его такъ: „Полномоченный Государя моего, вѣрноподанный Григорій Власовъ Ильяшенко. Маріуполь, апрѣля 6 дня, 1863 года“. Подпись эта не произвела впечатлѣнія

на писаря, который, послѣ перенесенныхъ тревогъ, перересталъ временно реагировать и только пассивно продолжалъ писать подъ диктовку, еще два приказа, текстъ коихъ я приведу въ точности нѣсколько далѣе.

Всѣ 3 приказа, написанные на 3-хъ отдѣльныхъ листахъ, Ильяшенко спряталъ во внутренній карманъ своего пальто; затѣмъ, ставъ влотную предъ писаремъ и сказавъ „смотри“ растегнулъ верхнія пуговицы жилета и вынулъ изъ подъ ~~жилета~~ него складной медальонъ изъ красной мѣди, висѣвшій на Андреевской лентѣ. Въ этомъ медальонѣ былъ портретъ Государя и подъ крышкой кусочекъ бѣлой бумаги на коей имѣлась надпись: „быть по сему, Александръ 2-й, Царское село, 17 мая 1862 года“. Эти слова были написаны обыкновеннымъ почеркомъ Ильяшенко, какъ это удостовѣрено судебной экспертизой и какъ это было очевидно впослѣдствіи для всякаго обозрѣвавшаго настоящую подпись. (Журналъ рѣшеній Екатер. Палаты угол. суда за 1865 года, л. 29).

„Смотри“, говорилъ Ильяшенко, наступая на писаря; „ты знаешь, кто я таковъ, видишь, чѣмъ я награжденъ отъ Государя. Знай, что если ты извѣстишь начальника команды до ревизіи мною суда, сегодня же будешь повѣшенъ“! Съ этими словами, произнесенными съ зловѣщимъ грознымъ шопотомъ, Ильяшенко быстро вышелъ изъ канцеляріи. У писаря отнялся духъ, опять потемнѣло въ глазахъ, застучало въ головѣ: не донести начальнику—бѣда, донести еще хуже, мелькнуло въ его сознаніи; недвижимый, словно окаменѣлый, остался онъ въ своей канцеляріи, какъ будто тысяча желѣзныхъ цѣпей приковали его къ мѣсту.

Николай Ѳотіевичъ Логафетовъ, не обративъ никакого вниманія на угрозу почти вытолкнутаго имъ изъ своего дома

Ильяшенко, на утро совершенно о немъ позабылъ. По обыкновенію хорошо выспавшись, онъ всталъ рано не спѣша сталъ одѣваться, поверхностно умылся и предался спокойному чаепитію. Часовъ около 10 утра онъ отправился въ сосѣднюю лавку своего пріятеля К....нова, гдѣ онъ бывалъ каждое утро и гдѣ каждое утро пріятели вели одинъ и тотъ же разговоръ. Во 1-хъ, они говорили, что жилось бы гораздо лучше, если бы всегда можно было быть увѣреннымъ купить товаръ дешево и продать дорого. Во 2-хъ, оба они печаловались другъ другу о томъ, что въ Маріуполѣ начинаютъ селиться пришельцы изъ разныхъ концовъ Имперіи, не греки; за ними, говорили между собою пріятели, и на базарѣ не успѣешь ничего купить; при этомъ они вспоминали, какъ остроумно ихъ общій другъ, нѣкій мѣстный обыватель, выразилъ протестъ противъ такого вопіющаго положенія вещей. Этотъ ихъ другъ, идя на базаръ купить курицу, увидѣлъ, что одна изъ вновь поселившихся русскихъ женщинъ возвращалась съ базара и несла въ корзинѣ курицу. Такое предупрежденіе намѣреній греческаго поселенца возмутило его духъ; онъ остановилъ своего конкурента въ дѣлѣ покупки курицы и, выхвативъ изъ корзины птицу, бросилъ женщинѣ 20 копѣекъ, при чемъ былъ настолько галантенъ, что представилъ ей объясненіе своего поступка: „за вами чертями ничего не успѣешь купить!“ „Еще 20 коп. уплатилъ“, добавлялъ Логафетовъ тѣмъ-~~же~~ тономъ, изъ котораго безусловно явствовало, что онъ лично ограничился бы только отобраніемъ курицы безъ всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ особенности же Логафетовъ и К—въ въ своихъ собесѣдованіяхъ возмущались тѣмъ обстоятельствомъ, что пришельцы открывали въ городѣ лавки и являлись въ торговлѣ опасными конкурентами. Въ то сравнительно недавнее время условія общественной жизни въ Маріуполѣ не походили на сегодняшнія. Се-

годня смѣшно говорить о Маріуполѣ, какъ исключительно греческомъ городѣ; въ немъ нѣтъ серьезнаго различія по національностямъ: всѣ обыватели этого города постепенно смѣшиваются и во всякомъ случаѣ положеніе всѣхъ обывателей равны передъ закономъ и властями. Тогда по свидѣтельству старожиловъ, дѣло обстояло иначе. Пришельцы не греки, составляли ничтожное меньшинство, которое побаивалось грековъ, представлявшихъ большинство, силу, съ которой не могли бороться новые поселенцы. Кромѣ того, греки имѣли свое самоуправленіе, свою обусловленную привиллегированную организацію, которая не распространялась на невыходцевъ изъ Крыма. Послѣдніе подчинялись общимъ дореформеннымъ учрежденіямъ, подъ сѣнью которыхъ жилось не легко. Такъ продолжалось до начала семидесятыхъ годовъ, когда введено было городовое положеніе на общихъ основаніяхъ. До этой же поры греки, выходцы изъ Крыма, занимали господствующее положеніе, а остальные обытатели угнетенное. Греки были недовольны пришельцами, а послѣдніе ихъ побаивались и питали къ нимъ недобрыя чувства.

И такъ Логафетовъ и К—овъ затянули свой обычный разговоръ; на этотъ разъ онъ былъ скоро прерванъ. Изъ греческаго суда прибѣжалъ старикъ сторожъ и на турецкомъ нарѣчіи (многіе изъ грековъ поселенцевъ и теперь сохранили это нарѣчіе) передалъ Логафетову, чтобы онъ поспѣшилъ придти въ судъ, что его требуетъ предсѣдатель Поповъ.

Логафетовъ направился въ судъ совершенно спокойно. Случалось и раньше, что его требовали иной разъ въ присутствіе для нѣкоторыхъ неважныхъ разъясненій, которыя онъ могъ представить, какъ бывшій членъ суда; правда, что чаще эти объясненія переводились съ мѣста на собесѣдованія по душѣ, которыми совершенно затушевывалась главная цѣль вызова. Вотъ почему, даже не безъ нѣкотораго удо-

вольствія, Логафетовъ направился въ присутствіе, предвкушая хотя всегда одинъ и тотъ же, но тѣмъ не менѣе всегда одинаково для него интересный разговоръ о торговлѣ, о „пашеницѣ“, о зловредныхъ новыхъ людяхъ, поселившихся недавно въ Маріуполѣ.

Въ это время одинъ изъ такихъ новыхъ поселенцевъ, почтенный купецъ —овъ (нынѣ благополучно проживающій въ Маріуполѣ, развившій и многократно возвеличившій свое предпріятіе) пришелъ въ свою лавку и сѣлъ по обыкновенію на табуретѣ, стоявшемъ у двери, выходившей на улицу. Моросилъ мелкій дождь, но вѣтеръ, свирѣпо дувшій наканунѣ съ сѣверовосточной стороны, измѣнилъ направленіе, сталъ дуть съ юговостока и въ воздухѣ начала разливаться весенняя, оживляющая міръ, мягкость; предшествующій холодный день оказался на самомъ дѣлѣ послѣднимъ приступомъ зимы, утомившей непривыкшихъ къ холоду южанъ своими длинными бездѣятельными днями.

Купецъ —овъ, смотря на улицу, среди мертвой тишины, громко передавалъ себѣ свои впечатленія: „И куда это Иванъ Павловичъ (начальникъ инвалидной команды, капитанъ Лисенко) поѣхалъ въ дрожкахъ? А вотъ за нимъ четыре солдаты бѣгутъ рысцой, ружья держатъ подъ шинелью, чтобы дождикъ не замочилъ. А среди-то всѣхъ во какъ ковыляетъ ногами старый солдатъ цирюльникъ; ему то сердечному, старому и хилому, не легко поспѣвать за строевыми!“.

Такъ въ мысляхъ купца —ова отразилось видѣнное имъ на улицѣ и онъ остался сидѣть спокойно на своемъ мѣстѣ, праздно и разсѣянно размышляя на тему: куда бы это поѣхалъ Иванъ Павловичъ?

Эти размышленія были по прошествіи нѣкотораго промежутка времени, прерваны появленіемъ мастерового Анохина, имѣвшаго ошалѣлый видъ. Въ согласіи съ его обыч-

нымъ внѣшнимъ состояніемъ были и его дѣйствія: войдя въ лавку, онъ началъ, безъ всякихъ къ тому побудительныхъ причинъ, учащенно и усердно креститься.

— Чего крестишься?—вопросилъ удивленный купецъ —овъ.

Въ отвѣтъ посыпались отдѣльныя слова: „Чудеса! Капитанъ! Саблю на голо!.. Четыре солдата?.. Логафетовъ и т. п.

— Да ты съ ума сошелъ,—прервалъ безсвязный потокъ словъ купецъ —овъ и увелъ разстроеннаго посѣтителя въ слѣдующую комнату, гдѣ шопотомъ Анохинъ продолжалъ столь странно начатое повѣствованіе.

Я уже замѣтилъ, что когда рѣчь заходила о дѣяніяхъ Логафетова, то маріупольскіе обыватели говорили шопотомъ и со страхомъ, какъ будто они были соучастниками Логафетова. Анохинъ же не только усвоилъ эту общую всѣмъ привычку, но сверхъ того былъ приведенъ въ трепетъ видѣннымъ и опасался какъ бы не быть въ отвѣтѣ за то, что онъ разсказываетъ видѣнное... Впрочемъ, возстановлять событія по отрывочнымъ словамъ и фразамъ Анохина я не берусь и предпочитаю возвратиться къ имѣющемуся у меня точному, достовѣрному матеріалу.

Ильяшенко, оставивъ писаря въ канцеляріи, направился въ греческій судъ; тамъ онъ засталъ одного столоначальника уголовнаго отдѣленія суда, Могулянскаго. Послѣднему, какъ говорятъ, Ильяшенко сразу поставилъ вопросы ребромъ и налегъ на него со стремительностью. „Гдѣ предсѣдатель и члены суда“? — „Составъ суда выѣзжаетъ сегодня для разбора дѣлъ въ Ялту“. — „Вы коронный“? (т. е. состоите-ли на коронной службѣ или выборный). — „Да, коронный“... Ильяшенко показалъ портретъ Государя, послѣ чего столоначальникъ превратился въ воплощенный вопросительный и восклицательный знаки. „Ни слова“!—грозно крикнулъ Ильяшенко.—

„Немедленно послать за предсѣдателемъ и членами“! Столоначальникъ пустился бѣгомъ исполнять приказъ. Составъ суда (предсѣдатель и три члена) въ это время состоялъ изъ людей основательныхъ, уже немолодыхъ, умудренныхъ, такъ сказать, годами. Одинъ секретарь былъ молодъ, но зато онъ былъ умудренъ знаніемъ на память нѣкоторыхъ законовъ и наипаче циркуляровъ; это признавали всѣ и болѣе всѣхъ увѣренно самъ секретарь.

Члены греческаго суда, надо сознаться, при всей солидности, страдали полнымъ неумѣніемъ составлять сужденіе о дѣлахъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, но это не препятствовало функціонированію названнаго учрежденія, ибо въ этомъ случаѣ выручалъ секретарь со своими циркулярчиками и законами. Онъ писалъ опредѣленіе, ссылаясь на проставленныя имъ статьи, а предсѣдатель и члены суда медленно и старательно ихъ подписывали, не постигая ихъ содержанія, что, однако, не задерживало теченія дѣлъ. Въ остальномъ секретарь ничѣмъ достопримѣчательнымъ не выдѣлялся. Можно только отмѣтить, что уже прежде познанія законовъ онъ постигъ, что какъ законы, такъ и циркуляры существуютъ для угожденія начальству.

Не прошло и двадцати минутъ послѣ ухода Могулянскаго, какъ запыхавшись, но уже въ настоящемъ одѣяніи и при надлежащемъ знакѣ, явились: предсѣдатель, три члена суда и секретарь. Ильяшенко продолжалъ дѣйствовать съ тою же стремительностью, съ какою онъ обратился къ столоначальнику. Едва поздоровавшись, онъ вручилъ предсѣдателю тотъ приказъ, который онъ продиктовалъ писарю и текстъ коего приведенъ выше.

Предсѣдатель навелъ глаза на врученную ему бумагу; соображалъ онъ туго, медленно, но все таки довольно скоро понялъ, что случилась бѣда, и въ душѣ у него похолодѣло:

онъ не зналъ, что сказать, что дѣлать. Ильяшенко вывелъ его изъ состоянія нерѣшительности, потребовавъ дать ему надежнаго человѣка, съ которымъ онъ могъ-бы послать важную и секретную бумагу начальнику команды, капитану Лисенко.

Предсѣдатель позвалъ одного изъ сторожей, которому Ильяшенко и вручилъ въ запечатанномъ конвертѣ второй приказъ, заранѣе написанный подъ его диктовку, писаремъ инвалидной команды. Предсѣдатель и по русски, и на турецкомъ нарѣчіи напутствовалъ посланнаго наставленіями. Ильяшенко затѣмъ объявилъ предсѣдателю, что судъ не поѣдетъ сегодня въ Ялту, такъ какъ ему предстоитъ заняться разсмотрѣніемъ чрезвычайнаго государственнаго дѣла о Логафетовѣ, котораго Ильяшенко потребовалъ немедленно призвать въ присутствіе суда. Остальныя неопредѣленныя, но наставительнаго характера, общія указанія весь составъ суда выслушалъ, стоя и молча, находясь въ состояніи людей, которыхъ пришибли сильнымъ ударомъ по головѣ.

Капитанъ Иванъ Павловичъ Лисенко былъ старый служака: еще до севастопольской войны онъ служилъ въ кантонистахъ и за усердную службу былъ назначенъ фельдфебелемъ селенгинскаго пѣхотнаго полка. Во время севастопольской войны онъ храбро сражался, былъ раненъ и произведенъ въ подпоручики со старшинствомъ. Когда въ 1858 году была сформирована команда изъ сорока рядовыхъ, четырехъ унтеръ-офицеровъ, къ которымъ впослѣдствіи былъ прибавленъ одинъ барабанщикъ и одинъ цирульникъ, Лисенко, въ чинѣ поручика, былъ назначенъ начальникомъ этой команды. Въ томъже 1858 году команда изъ Екатеринослава совершила пере-

ходъ въ Маріуполь, гдѣ и оставалась подъ начальствомъ Лисенко, въ скорости произведеннаго въ капитаны. Такимъ образомъ въ маріупольскомъ округѣ капитанъ Лисенко оказался единственнымъ и властнымъ представителемъ военной власти. Съ виду Лисенко былъ настоящій богатырь: въ плечахъ сажень, грудь какъ большой котелъ, а ростомъ онъ былъ выше на голову каждаго изъ нижнихъ чиновъ своей команды и даже каждаго изъ обывателей города Маріуполя; голосъ его вызывалъ содраганіе даже неодушевленныхъ предметовъ. Лисенко могъ пить, но всегда былъ трезвъ. Къ своей службѣ относился строго; зналъ и исполнялъ дисциплину въ совершенствѣ. На парадахъ, при маршировкѣ, при фронтѣ священнодѣйствовалъ. Къ солдатамъ относился строго, справедливо и заботливо. Соблюденіе дисциплины требовалъ неумолимо и каралъ за всякое малѣйшее ея нарушеніе, въ конецъ разстраивающее расположеніе его духа. Даже лучшаго и образцоваго унтеръ-офицера онъ наказалъ на первый день Свѣтлаго праздника за то, что онъ на парадѣ, поставленный противъ ярко-весенняго солнца, „натужился" и чихнулъ, послѣ чего Лисенко, разгнѣвавшись, сейчасъ же прекратилъ парадъ, считая дѣло испакощеннымъ. Лисенко привыкъ, умѣлъ и любилъ исполнять безпрекословно приказанія и при этомъ зналъ все, что отъ него требовалось. Одного онъ не зналъ и не умѣлъ за полнымъ отсутствіемъ практики въ этомъ отношеніи: онъ не умѣлъ думать, и всей душой ненавидѣлъ такое положеніе, когда ему приходилось отвѣчать на вопросъ какъ поступить, ибо онъ могъ только поступать, но не обсуждать, какъ поступать. Такъ, напримѣръ, еслибы онъ получилъ приказъ перебить маріупольскихъ обывателей, ему легче было бы исполнить такое требованіе, чѣмъ обдумывать и размышлять надъ вопросомъ, слѣдуетъ ли, возможно ли исполнить такой приказъ.

Жена Лисенко, Дарья Кондратьевна, была основательная дама, сорока восьми лѣтъ (Арх. екатер. окружн. суда, указанное выше дѣло, л. д. 64). Грамоты она совсѣмъ не знала. По крайней мѣрѣ, подъ ея показанiемъ, даннымъ слѣдственной власти, вмѣсто ея подписи значится отмѣтка слѣдователя: „не грамотная“. За то она была несравненная хозяйка, жизнь которой хлопотливо протекала среди неизмѣнно каждодневно чередующихся заботъ о кухнѣ, погребѣ, о соленьяхъ, о борщѣ и т. д. Гигантъ капитанъ Лисенко по внѣшности былъ подъ пару своей женѣ. Какъ почти всѣ мужья, капитанъ слегка побаивался своей жены; послѣдняя ~~не относи-~~ питала ~~лась съ~~ почтенiе~~мъ~~, главнымъ образомъ, къ начальственному положенiю своего мужа и менѣе къ его личности. Несмотря на свое умственное неразвитiе, капитанша вовсе не относилась къ службѣ и дѣятельности своего мужа съ тѣмъ презрительнымъ высокомѣрiемъ, которымъ угощаютъ нерѣдко внѣшне приличныя, но въ душѣ полудикiя женщины, вышедшiя замужъ за писателей, художниковъ, мыслителей и т. п. выдающихся людей. Дарья Кондратьевна была неразвита, но не обладала дикой душой, стремящейся къ разрушенiю. Поэтому она мирилась, какъ съ необходимостью. и съ фронтомъ, и съ маршировкой и съ приносимыми изъ канцелярiи бумагами на квартиру къ капитану. Большимъ необходимымъ зломъ капитанша считала приносимыя на домъ бумаги, ибо онѣ всегда вызывали нѣкоторое безпокойство и тревогу капитана, а черезъ то и нѣкоторый безпорядокъ въ домѣ: капитанъ, поглощенный подписомъ бумагъ, запаздывалъ къ обѣду, кричалъ, звалъ, отдавалъ распоряженiя и т. д. Мирясь со всѣмъ этимъ, Дарья Кондратьевна, хотя и не высказывала, все таки въ глубинѣ души смотрѣла на всѣ эти бумаги и безпокойства, какъ на дѣло пустое: она понимала, что изъ всего этого не выйдетъ ни хорошей начинки для пироговъ, ни соленiй, ни борща.

Вотъ почему, когда она первая встрѣтила посланнаго изъ греческаго суда съ приказомъ Ильяшенко, она пренебрежительно равнодушно приняла бумагу двумя пальцами въ тѣхъ видахъ, чтобы на бумагѣ осталось поменьше бураковаго кваса, въ который были смочены ея руки, и бросила эту бумагу на пропитанный жиромъ кухонный столъ. Объ этомъ моментѣ вотъ какъ свидѣтельствуетъ самъ капитанъ Лисенко. Привожу доподлинное его показаніе, сохраняя его стиль и орѳографію: „Приказъ Ильяшенко присланъ изъ суда неизвѣстнымъ человѣкомъ, переданъ въ руки моей жены на крыльцѣ во время бытности ея въ кладовой... сказала мнѣ, что требуютъ въ судъ, сама же какъ говоритъ, понесла продукты въ кухню, въ то время я былъ въ другой комнатѣ передѣвался изъ одежды“ (Л. д. 60 указаннаго выше дѣла). Текстъ этого приказа, написаннаго какъ мы знаемъ, писаремъ команды, подъ диктовку Ильяшенко, былъ слѣдующій: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, въ Царскомъ селѣ, 18 мая 1862 года, приказать вамъ исполнить мое требованіе, въ отношеніи спокойствія и прекращенія злоупотребленія въ Новороссійскомъ краѣ. Нынѣ поручаю вашему благородію приготовить съ ввѣренной вамъ команды четыре человѣка съ однимъ унтеръ-офицеромъ и одного нестроевого цирульника, при которыхъ должны находиться пара кандаловъ и арестантское платье. Всѣ прописанные нижніе чины и вы сами лично обязаны явиться въ тотъ часъ и минуту какъ получите сей приказъ, въ маріупольскій греческій судъ, гдѣ, принявъ преступника, съ первымъ этапомъ отправить къ мѣсту назначенія за строгимъ карауломъ, а также поручаю вамъ на будущее время, въ случаѣ важныхъ происшествій въ Маріуполѣ и ближайшихъ ему окрестностей, немедленно донести министру внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарю Валуеву минуя свою прямую дистанцію“. Слѣдовала

затѣмъ подпись Ильяшенко, тождественная съ подписью на первомъ приказѣ, только послѣ нея рукою Ильяшенко было добавлено: „Въ десять часовъ одиннадцать минутъ, городъ Маріуполь, шестого апрѣля, 1863 года“.

Въ своихъ дальнѣйшихъ показаніяхъ капитанъ сознается, что онъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что приказъ написанъ хорошо ему извѣстнымъ почеркомъ писаря его команды. Произошло это вслѣдствіе того, что слова приказа: „Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ соизволилъ“ сильно „встревожили“ капитана.

По показанію старожиловъ, внутренная тревога Лисенко проявилась наружу слѣдующимъ порядкомъ: голосомъ, способнымъ на смерть ушибить не подготовленнаго слушателя, капитанъ сталъ кричать: „одѣваться, одѣваться“!... Многократнымъ повтореніемъ этого слова капитанъ хотѣлъ объяснить, чтобъ ему помогли скорѣе облачиться въ парадную форму.

Дарья Кондратьевна, хотя и была привычна къ голосу своего супруга, однако, подскочила нѣсколько разъ на мѣстѣ, какъ токующій тетеревъ, испуганная неслыханнымъ еще столь сильнымъ крикомъ капитана; она даже обронила на земь тѣ „продукты“, что держала въ рукахъ; тѣмъ не менѣе она скоро оправилась и устремилась къ капитану, который, спѣша, никакъ не могъ справиться съ переодѣваніемъ въ парадные узкіе брюки. Ея помощь была какъ нельзя болѣе кстати задыхавшемуся отъ волненія ея супругу. Пока онъ окончательно подправлялъ себя, Дарья Кондратьевна успѣла отдать приказаніе кучеру, чтобы онъ запрегъ лошадь и позвалъ трехъ солдатъ, цирульника и барабанщика.

Хотя волненіе и спѣхъ и помѣшали дѣйствовать съ той быстротой, какая требуется военными людьми, тѣмъ не ме-

нѣе капитанъ достаточно скоро появился во дворѣ въ надлежащемъ видѣ и, не теряя ни минуты, сталъ во главѣ четырехъ застывшихъ предъ нимъ солдатъ, цирюльника и барабанщика, съ которыми и двинулся въ путь въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ видѣлъ купецъ—овъ, когда онъ изъ своей лавки смотрѣлъ на улицу. Капитанъ, очутившись на улицѣ и освѣженный слегка моросившимъ дождемъ, оправился отъ волненія и чувствовалъ въ своей душѣ ту отвагу, ту рѣшимость немедленно дѣйствовать, какой онъ отличался въ геройскіе дни севастопольской войны, когда надо было сходиться грудь съ грудью съ непріятелемъ.

Послѣ того какъ, по приказанію Ильяшенко, изъ греческаго суда былъ посланъ одинъ надежный человѣкъ съ извѣстнымъ намъ приказомъ къ капитану Лисенко, а другой—за Логафетовымъ, самъ Ильяшенко не терялъ времени. Прежде всего онъ приказалъ предсѣдателю про себя внимательно вчитаться въ переданный ему приказъ № 1-й, коимъ, какъ намъ извѣстно, Ильяшенко опредѣлялъ сослать Логафетова „на алтайскіе заводы въ вѣчные работники". Затѣмъ онъ приказалъ смущенному и въ глубинѣ душѣ души разъѣдаемому сомнѣніями секретарю суда, стряпчему Хартахаю, составить отъ имени греческаго суда опредѣленіе объ осужденіи на каторгу Логафетова.

Секретарь пугался и отъ необычайнаго составляемаго имъ приговора, и отъ казавшагося ему несогласія опредѣленія суда съ извѣстными ему законами и циркулярами, и, главное, отъ стремительности дѣйствій суда, упразднявшей всякую судебную логику.

Но Хартахай въ этотъ трудный моментъ не забылъ надежно сидѣвшей въ его душѣ идеи, что все должно совершать для угожденія начальству, и онъ рѣшилъ не противорѣчить Ильяшенко, тѣмъ болѣе, что послѣдній прибѣгъ

къ довольно грознымъ покрикиваніямъ и понуканіямъ, когда секретарь обнаружилъ замѣшательство. Вотъ почему опредѣленіе быстро подвигалось впередъ, сопровождаемое иногда и одобрительными восклицаніями, въ родѣ: „такъ, вѣрно, пиши дальше“.... и было окончено къ пріѣзду капитана Лисенко.

Случилось такъ, что въ присутствіе греческаго суда капитанъ Лисенко вошелъ почти одновременно вслѣдъ за Логафетовымъ. Такимъ образомъ, всѣ главныя дѣйствующія лица настоящей драмы оказались собранными вмѣстѣ другъ противъ друга. Такое ихъ стеченіе оказалось въ высшей степени благопріятнымъ для миссіи Ильяшенко Это явствуетъ изъ данныхъ впослѣдствіи объясненій дѣйствующихъ лицъ по вопросу о возникновеніи „слѣпого вѣрованія“ въ „лжеуполномоченнаго Ильяшенко“. Капитанъ вѣрилъ потому, что былъ требованъ въ присутственное мѣсто, гдѣ все исполнялось по приказанію Ильяшенко. (Тамъ же л. д. 17 об.). Предсѣдатель суда окончательно доувѣровалъ, благодаря „внезапному появленію начальника инвалидной команды капитана Лисенко, да еще съ солдатами и въ парадной формѣ; члены суда увѣровали „смотря на предсѣдателя и секретаря Хартахая, повиновавшихся приказаніямъ Ильяшенко“. (Тамъ же л. д. 16 об.). Наконецъ предсѣдатель Поповъ, въ послѣднихъ своихъ объясненіяхъ еще указывалъ, что укрѣпленію вѣры въ „лжеуполномоченнаго“ содѣйствовалъ и Логафетовъ, который „стоялъ съ повинной головой, какъ настоящій виновникъ“. Правда, такое объясненіе вызвало негодованіе Логафетова, который подалъ жалобу на Попова и писалъ, что эти слова Попова, онъ „принимаетъ за преднамѣренную обиду на письмѣ принесенную; невольно влекусь къ подозрѣнію“ (тамъ же л. д. 69—72),—продолжалъ онъ жаловаться, что Поповъ дѣйствовалъ не спроста, что у него

были заднія мысли... Но послѣднія, по тщательному розыску, найдены не были.

Едва капитанъ Лисенко вошелъ въ присутствіе суда, вслѣдъ за Логафетовымъ, какъ Ильяшенко, указывая пальцемъ на Логафетова, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ обратился къ капитану: „именемъ закона приказываю вамъ арестовать Логафетова“. Рѣшимость дѣйствовать проявилась наружу: капитанъ молодецки выхватилъ саблю изъ ноженъ и, держа въ рукѣ это оружіе поднятымъ вверхъ, громовымъ голосомъ скомандовалъ солдатамъ стать съ ружьями у дверей и никого не впускать и не выпускать изъ присутствія суда. Наступила пауза, Ильяшенко одинъ нарушилъ воцарившуюся гробовую тишину, объявивъ секретарю, что онъ долженъ приготовиться къ прочтенію опредѣленія суда. Хартахай сейчасъ поднялся и началъ, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній, безъ всякой торжественности, монотонно читать написанный имъ приговоръ. Ильяшенко съ мѣста его оборвалъ и грозно возопилъ: „Мальчишка, службы не понимаешь! Не знаешь какъ, когда слѣдуетъ читать!“... Мгновенно возстановилась мертвая тишина. Ильяшенко досталъ изъ-подъ сюртука медальонъ съ портретомъ Государя и, держа его передъ собою, скомандовалъ; „На караулъ!“ Сабля капитана Лисенко сдѣлала вольтъ въ воздухѣ и онъ самъ, равно какъ и его солдаты, превратились въ застывшія статуи. — „Теперь можешь читать, только смотри толково читай“, — строго обратился Ильяшенко къ секретарю; послѣдній на этотъ разъ благополучно прочиталъ приговоръ, который корреспондентъ „Сына Отечества“, въ номерѣ отъ 20 мая 1869 г., передаетъ „на память потомству, какъ замѣчательный документъ въ лѣтописяхъ суда“. Привожу это опредѣленіе суда дословно, безъ сокращеній. Вотъ оно:

„1863 года, апрѣля 6 дня. По Указу Его Императорскаго Величества, маріупольскій греческій судъ слушали приказъ уполномоченнаго Государя Императора Всероссійскаго, Григорія Павлова Ильяшенко, отъ 6 апрѣля, въ коемъ объявлено по данной ему Государемъ Императоромъ власти въ Царскомъ Селѣ, 18 мая, 1862 года, лицомъ и именемъ Его Величества повелѣваетъ: бывшаго засѣдателя сего суда Николая Логафетова, за грабежъ и смертоубійство, и вообще за всѣ злоупотребленія, лишить всѣхъ правъ состоянія съ ссылкою въ алтайскіе заводы, въ вѣчные работники, а имѣніе его продать съ публичнаго торга и удовлетворить всѣхъ должниковъ и претендателей, а остальное затѣмъ должно поступить въ казну. Приказали: рѣшеніе это объявить бывшему засѣдателю сего суда Логафетову и передать его, согласно личному приказанію господина уполномоченнаго, въ распоряженіе начальника маріупольской инвалидной команды, штабсъ-капитана Лисенко, а исправляющему должность засѣдателя Ганжи предписать описать и оцѣнить все имѣніе Логафетова и опись представить въ судъ. Предсѣдатель Николай Поповъ. За секретаря А. Ганжи, засѣдатель Оксюзовъ, исправляющій должность секретаря и стряпчаго Хартахай. Не согласенъ на исполненіе и буду телеграфировать г. начальнику губерніи. Исправляющій должность стряпчаго Хартахай. Въ присутствіи маріупольскаго греческаго суда постановленіе утверждаю. Полномоченный Государя Императора вѣрноподанный Григорій Власовъ Ильяшенко. 6 апрѣля 1863 года въ $11^3/_4$ часовъ слушали и подписали.

Обстоятельства, которыя будутъ указаны въ дальнѣйшемъ изложеніи обнаружатъ, что приписка Хархатая: „несогласенъ на исполненіе и буду телеграфировать начальнику губерніи“, позднѣйшаго происхожденія. Первоначальное опредѣленіе суда было написано безъ такихъ либеральныхъ оговорокъ и, послѣ

скрѣпленія этого приговора подписью Ильяшенко и его громкимъ возгласомъ: „быть по сему“, начался немедленно обрядъ приведенія приговора въ исполненіе.

— Цирульника, бритву, барабанъ!—быстро и громко скомандовалъ Ильяшенко.

Цирульникъ, тутъ же стоявшій возлѣ солдатъ, поблѣднѣлъ: бритва была имъ забыта впопыхахъ на квартирѣ команды.

Барабанъ только числился при командѣ, но въ натурѣ его ни было.

Не давая объясненій, цирульникъ вылетѣлъ изъ присутствія суда и что есть мочи устремился на квартиру за бритвой. Въ два конца ему пришлось побѣжать болѣе версты, но онъ себя не щадилъ и черезъ какихъ нибудь 10 минутъ вернулся еще болѣе блѣдный, безъ дыханія, держа въ дрожащихъ рукахъ какую-то ободранную, изъявленную зазубринами бритву.

Пока шли краткія приготовленія къ обряду исполненія приговора, Логафетовъ переживалъ тяжелыя минуты. Въ первое мгновеніе онъ не полностью постигалъ ожидавшую его участь; онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что случилось какое-то непріятное недоразумѣніе, которое сейчасъ само собою разъяснится; но ходъ событій съ его стремительнымъ натискомъ подрывалъ эту вѣру. Страхъ и отчаяніе въ концѣ концовъ охватили бывшаго засѣдателя суда; онъ не зналъ, что дѣлать, что сказать въ свою пользу и въ этомъ подавленномъ состояніи, на мѣстномъ турецкомъ нарѣчіи обратился, въ поискахъ за помощью къ предсѣдателю суда, но тотъ не оказался добрымъ утѣшителемъ: указывая на Ильяшенко, предсѣдатель только сказалъ:

— Власть его выше закона.

Взглядъ Логафетова случайно упалъ на принесенную бритву и это вызвало у него мысль заявить Ильяшенко, „что, кажется, теперь не велѣно брить“.

Стряпчій Хартахай, привычный указывать греческому суду законы и давать указанія, добавилъ отъ себя:

— Брить отмѣнено.

Этого Ильяшенко не могъ простить и онъ сердито разнесъ стряпчаго, приведя его въ состояніе настоящаго смятенія.

— Мальчишка! — кричалъ Ильяшенко, — ничего не понимаетъ; отмѣнено брить содержащихся, а уголовныхъ преступниковъ, ссылаемыхъ по конфирмаціи куда слѣдуетъ, должно брить по прежнему.

— Подожди, — переводя дыханіе добавилъ строгій ревизоръ, — доберусь и до тебя потомъ и тебѣ не миновать Сибири!

Послѣднія слова какъ-то особенно глубоко запали въ душу стряпчаго; онъ подумалъ: „Кто не безъ грѣха... Неровенъ часъ... всякъ человѣкъ въ волѣ начальства".

Шансовъ на сопротивленіе у Логафетова не оставалось никакихъ, ибо капитанъ Лисенко былъ въ той фазѣ рѣшимости дѣйствовать, когда не оставалось такихъ препятствій, которыхъ бы онъ не сокрушилъ ради исполненія приказа начальства. Онъ самъ впослѣдствіи передавалъ своему знакомому, нынѣшнему секретарю маріупольскаго съѣзда, г. Б—му, что въ тотъ торжественный моментъ онъ такъ увѣровалъ въ Ильяшенко, что мурашки у него бѣгали по спинѣ и волосъ съ затылка поднимался. „Если бы Ильяшенко", — передавалъ всегда восторженно и съ экстазомъ капитанъ, — въ тотъ моментъ приказалъ „коли" — всѣхъ бы переколоолъ, если бы скомандовалъ „пли" — всѣхъ перестрѣлялъ-бы".

По прошествіи многихъ годовъ капитанъ всегда приходилъ въ экстазъ при воспоминаніи о знаменательномъ моментѣ; предоставляю всякому судить, какой силы былъ подъемъ духа капитана въ самый моментъ дѣйствія.

По кивку головы Ильяшенко капитанъ Лисенко и два солдата приблизились къ Логафетову и, не встрѣтивъ ни

малѣйшаго съ его стороны сопротивленія, посадили его, за отсутствіемъ барабана на сундукъ; найденнымъ въ присутствіи полотенцемъ ему связали назадъ руки. Послѣ этого ноги его одѣли въ кандалы. Затѣмъ къ нему подступилъ дрожавшій цирульникъ; въ правой рукѣ онъ держалъ на готовѣ ту единственную, изъязвленную зазубринами бритву, которая числилась въ инвентарѣ, находящемся при командѣ. Старожилъ Маріуполя, передававшій мнѣ порядокъ бритья половины головы, пояснялъ, что цирульникъ, послѣ бѣготни и со страха, исполнилъ бритье неправильно. „Сами подумайте“, говорилъ разсказчикъ, „началъ брить съ затылка противъ шерсти. Ну, конечно, задралъ кожу; онъ хотя и примазалъ, а Логафетову все таки было непріятно, и кровь текла какъ изъ рѣзанаго“. Эта мелочь ни на минуту не остановила обряда и бритье было закончено безпрепятственно; послѣ чего на голову осужденнаго солдатъ натянулъ арестантскую шапку; въ заключеніе бывшему засѣдателю развязали руки и одѣли его въ арестантскій халатъ. Логафетовъ, считавшійся опаснымъ человѣкомъ, котораго всякій еще такъ недавно побаивался, въ виду его крутого нрава, вдругъ сдѣлался кротокъ, какъ ягненокъ и старательно исполнялъ все, что отъ него требовали. Въ произведенномъ алекс—имъ исправникомъ слѣдствіи этотъ учиненный надъ Логафетовымъ обрядъ названъ „дѣломъ о невинномъ истязаніи мѣщанина Николая Логафетова въ присутствіи маріупольскаго греческаго суда“ (л. д. 158, тамъ-же). Относится ли слово невинный къ истязанію или Логафетову остается не выясненнымъ. Но когда происходили указанныя выше дѣйствія надъ Логафетовымъ, никто не думалъ объ истязаніи; всѣ знали только, что приговоръ приводится въ исполненіе на законномъ основаніи. Вотъ почему капитанъ Лисенко не замедлилъ поставить Логафетова между солдатъ, изъ коихъ два стояли

сбоку, одинъ спереди и одинъ сзади. Самъ-же капитанъ, получивъ отъ Ильяшенко приказъ отвести „преступника“ въ тюрьму, сталъ впереди и, держа саблю наголо, приказалъ отряду слѣдовать за собой. Вскорѣ собравшійся на улицѣ народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на шествіе отряда, въ которомъ среди солдатъ, путаясь въ кандалахъ, шествовалъ бывшій начальникъ, еще такъ недавно наводившій страхъ на мѣстныхъ обывателей. Всѣ смотрѣли на удалявшагося Логафетова со страхомъ, нѣкоторые съ грустью; болѣе-же всѣхъ уныло смотрѣлъ на кортежъ стряпчій Хартахай, изъ смущенной души котораго подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ недавняго разноса вырвался слѣдующій меланхолическій возгласъ: „всѣ мы пропали, скоро всѣ пойдемъ туда-же“...

Событія этого дня въ Маріуполѣ, какъ видитъ читатель, текли съ поразительной быстротой; около 10 часовъ утра Ильяшенко впервые открылся писарю команды въ канцеляріи начальника команды; къ 12-ти часамъ дня произнесенъ надъ Логафетовымъ приговоръ и моментально утвержденъ, и приведенъ въ исполненіе. Въ 12 часовъ дня капитанъ Лисенко ведетъ осужденнаго, окруженнаго четырьмя солдатами въ тюрьму. Не смотря на такую стремительность событій, толпа успѣла освѣдомиться о чрезвычайномъ событіи и, собравшись въ большомъ количествѣ, длиннымъ хвостомъ замыкала шествіе небольшого отряда, предводимаго капитаномъ Лисенко. Коренные обыватели Маріуполя, хотя и хорошо были освѣдомлены о служебныхъ подвигахъ Логафетова, тѣмъ не менѣе не только не говорили: „по дѣломъ вору и мука“, но видимо были смущены и сконфужены. Надо помнить, что съ самаго момента своего переселенія изъ Крыма въ Маріуполь, греки находились въ исключительныхъ условіяхъ и пользовались такими правами, какихъ до 60-хъ годовъ не имѣло населеніе Россійской Имперіи, за исключеніемъ дво-

рянства. Не говоря о специальныхъ привиллегіяхъ, замѣтимъ только, что греки пользовались правомъ избирать изъ своей среды составъ греческаго суда, являвшійся учрежденіемъ, которое полностью совмѣщало судебную, полицейскую и хозяйственно-административную функціи во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся грековъ. Это учрежденіе было излюбленнымъ дѣтищемъ греческаго общества и въ свою вчередъ являлось доброй матерью для всякаго грека и самой злой мачихой для всякаго посторонняго. Греки любили, цѣнили и гордились своимъ греческимъ судомъ и иначе не называли его какъ *нашъ* судъ, дѣлая удареніе на слово *нашъ*. Понятно поэтому, что быстрая расправа надъ бывшимъ судьей греческаго суда, являлась достаточно ощутимымъ афронтомъ для всего греческаго населенія. За то новые поселенцы Маріуполя, не греки, терпѣвшіе притѣсненія отъ грековъ, ликовали столь шумно и неудержимо, какъ это требуется при проѣ[illegible] начальства или при установленныхъ приказаніемъ начальства празднествахъ. Неизвѣстно почему кто-то въ этотъ моментъ встрѣтившихся ликованій и смущеній пустилъ слухъ, что явившійся ревизоръ ни кто иной, какъ самъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Слухъ моментально распространился и ему такъ повѣрили, что всякій, кто осмѣлился бы заявить сомнѣніе, навѣрное, если бы не былъ избитъ, былъ обруганъ дуракомъ или еще хуже приписанъ къ бунтовщикамъ, къ неблагонамѣреннымъ, опаснымъ людямъ, отрицающимъ власть. Итакъ, одни были сконфужены, другіе ликовали, а Логафетовъ, со скверно обритой головой, въ арестантскомъ халатѣ, удрученный, сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Предсѣдатель Поповъ, согласно доброй, старой традиціи и по нынѣ къ счастью не умирающей, разсудилъ, что какъ бы важны ни были государственныя дѣла, тѣмъ не менѣе они не умаляютъ существенной важности обѣда. Поэтому,

послѣ того какъ Лисенко отрапортовалъ, что преступникъ заключенъ въ тюрьму, Поповъ обратился къ высокому ревизору съ почтительной просьбой сдѣлать честь откушать хлѣбъ-соль. Предложеніе было принято. Тогда Поповъ пригласилъ также обѣдать весь составъ суда, секретаря и капитана Лисенко, которые весьма рады были и поѣсть, и побыть въ обществѣ высокопоставленнаго лица. Обѣдъ состоялъ изъ мѣстныхъ греческихъ явствъ, и, главнымъ образомъ, отличался обиліемъ разнаго матеріала, подлежащаго ѣдѣ; желающіе могли, не обирая сосѣдей, ѣсть до достиженія отвращенія къ пищѣ и все таки не одолѣть всего обѣда. Шампанское въ то время въ Маріуполѣ не водилось; заздравныхъ тостовъ произносить не умѣли и поэтому ревизоръ не былъ осыпанъ рѣчами съ исчисленіемъ его добродѣтелей. Правда, за водкой, стуча рюмкой о рюмку, участники обѣда говорили: „за ваше здоровье! по чаще! по больше!“... Но дальше этого краснорѣчіе не шло. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ, когда настроеніе людей становится болѣе откровеннымъ, Поповъ обратился къ высокому гостю съ просьбой „по душѣ“ сказать; вѣритъ-ли онъ полной виновности Логафетова, на что Ильяшенко отвѣтилъ, что въ виновности этого послѣдняго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Также не отказался Ильяшенко отвѣтить нѣкоторымъ изъ присутствующихъ, интересовавшихся узнать, какимъ образомъ онъ получилъ свои чрезвычайныя полномочія отъ Государя. Не стѣсняясь, Ильяшенко разсказалъ какую-то фантастическую исторію объ его участіи въ охранѣ священной особы Государя Императора, послѣ чего Государь его лично узналъ и осчастливилъ особымъ вниманіемъ и довѣріемъ. Когда же затѣмъ въ достаточно обнаженной формѣ высказывалось, что настоящее дѣло такого рода, что 16.000 рублей ассигнаціями такая сумма, которая не велика, чтобы вычеркнуть все дѣло Логафетова и уничтожить

всѣ его слѣды, то Ильяшенко прямо отвѣтилъ: „и радъ бы, но не могу, ибо лично уполномоченъ Государемъ Императоромъ!“ Обѣдъ не затянулся; черезъ какой нибудь часъ времени всѣ чувствовали себя въ такомъ насыщенномъ состояніи, что продолжать ѣду было бы для нихъ мученіемъ. Ревизоръ выразилъ желаніе отправиться къ себѣ на квартиру, при этомъ запретилъ кому либо его сопровождать. Хозяинъ дома приказалъ заложить лошадь въ дроги — единственный въ то время извѣстный обывателямъ Маріуполя экипажъ. Пока закладывали лошадь, Поповъ и его сослуживцы просили Ильяшенко объяснить, гдѣ онъ остановился; они считали себя обязанными явиться къ ревизору на домъ in corpore, такъ сказать, еще разъ представиться и откланяться. Но Ильяшенко категорически отклонилъ всякіе такіе проекты, не указалъ своей квартиры и освободилъ маріупольскія власти отъ явки для представленія.

Разставаясь съ хозяиномъ и его гостями Ильяшенко отозвалъ въ сторону капитана Лисенко и вручилъ ему третій и послѣдній приказъ, написанный также, какъ мы знаемъ, рукою писаря. Этотъ приказъ былъ болѣе кратокъ; текстъ его слѣдующій: „Уголовный преступникъ Николай Логафетовъ по корфирмаціи подлежитъ ссылкѣ въ Алтайскіе заводы въ вѣчные работники и долженъ слѣдовать чрезъ Екатеринославскую губернію, куда немедленно его отправить за ввѣреннымъ Вамъ Его Величества карауломъ до города Бердянска, и оттуда черезъ г. Александровскъ въ г. Екатеринославъ, гдѣ мѣстное начальство приметъ свои мѣры для дальнѣйшаго отправленія. По данной мнѣ власти 18 мая 1862 года въ Царскомъ Селѣ, симъ повелѣваю полномоченный Государя моего и вѣрноподданный Григорій Власовъ Ильяшенко. Г. Маріуполь, 6 апрѣля 1863 года, въ часъ пополудни“.

Несмотря на выраженное ревизоромъ желаніе, чтобы никто не утруждалъ себя нанесеніемъ прощальнаго визита, Поповъ, тѣмъ не менѣе, солидно разсуждая, что и излишнее усердіе къ начальству только приноситъ пользу, тайно приказалъ своему кучеру замѣтить домъ, у котораго остановился начальникъ. Когда Ильяшенко разстался съ Поповымъ, остальная компанія, посовѣтовавшись съ хозяиномъ, рѣшила, что общая явка къ внезапно прибывшему высокопоставленному лицу безусловно необходима. Порѣшили, что должны явиться купно всѣ власти, имѣя во главѣ военную власть, капитана Лисенко; затѣмъ находили, что было бы весьма великолѣпно, если бы шествіе властей замыкали главнѣйшіе именитые граждане г. Маріуполя. Оповѣстить послѣднихъ обязались члены суда, которые и не замедлили разбѣжаться по разнымъ концамъ города. Итакъ было условлено, что часа черезъ два, т. е. между тремя и четырьмя часами дня, всѣ соберутся къ Попову и оттуда совмѣстно направятся во временную квартиру г. ревизора. До тѣхъ поръ каждому предоставлялось идти домой для приведенія себя въ достодолжный порядокъ. Стряпчій Хартахай, пользуясь свободнымъ временемъ, зашелъ къ своему знакомому, Д—чу, сообщить о чрезвычайномъ происшествіи дня. Д—чъ былъ извѣстенъ всему Маріуполю, какъ человѣкъ образованный, развитой; сверхъ того совершенно справедливо его считали весьма свѣдущимъ въ законахъ. На службѣ онъ не состоялъ, проживалъ въ Маріуполѣ частнымъ человѣкомъ, владѣя невдалекѣ отъ этого города землей. Люди съ злымъ языкомъ увѣряли, что Д—чъ былъ единственный умный человѣкъ во всемъ городѣ. Вѣроятно, къ такому завѣренію нужно внести поправку и сказать, что Д—чъ былъ самый умный среди окружающихъ его обывателей г. Маріуполя.

Угнетенный событіями дня, стряпчій Хартахай, вновь восприняль смущающій духъ ударъ, когда Д—чъ на его слова замѣтилъ: „се діло таке, що не Логафетова, а васъ всихъ за вашъ судъ погонятъ на алтайскіе заводы“. Д—чъ любилъ уснащать свою рѣчь малороссійскими словами и фразами и его слова, какъ по опредѣленности содержанія, такъ и по способу ихъ выраженія, всегда производили на слушателя сильное впечатлѣніе. Перепуганный стряпчій заметался отъ этой новой точки зрѣнія на дѣло. Что же дѣлать?—попросилъ онъ совѣта. Сейчасъ телеграфировать губернатору,—опредѣленно рѣшилъ Д—чъ.

Этотъ совѣтъ прояснилъ мысли Хартахая; онъ сразу сообразилъ, что телеграфировать по службѣ начальствомъ разрѣшается и что телеграмма не вызоветъ гнѣва ревизора, разъ онъ составитъ телеграмму въ смыслѣ доношенія его превосходительству о прибытіи чрезвычайнаго уполномоченнаго.

Въ такомъ видѣ онъ и послалъ телеграмму. Изъ изложеннаго сейчасъ ясно, почему я выше замѣтилъ, что протестующая приписка Хартахая на приговорѣ суда была сдѣлана не въ моментъ подписанія приговора, а позже. Въ тотъ моментъ стряпчій не посмѣлъ бы противорѣчить грозному ревизору. Такое мое заключеніе подтверждается еще слѣдующимъ мѣстомъ изъ позднѣйшей жалобы Логафетова, который, по конецъ своей жизни остался недоволенъ дѣйствующими лицами греческаго суда. Логафетовъ писалъ: „Хартахай телеграфировалъ въ Екатеринославъ, не только по совершеніи надо мною истязанія, но едва ли не послѣ открытія шарлатанства Ильяшенко, въ чемъ можно удостовѣриться справками на телеграфѣ“. Сверхъ того, Логафетовъ указывалъ, что Хартахай въ телеграммѣ только доводитъ до свѣдѣнія начальства о появленіи уполномоченнаго“. (тамъ же л. д. 41).

Вотъ почему, говоря словами изъ жалобы Логафетова, „я невольно влекусь къ подозрѣнію“, что приписка Хартахая на приговорѣ греческаго суда, сейчасъ послѣ подписи: „несогласенъ на исполненіе и буду телеграфировать г. начальнику губерніи“,—сдѣлана впослѣдствіи, послѣ совѣщанія съ Д—чемъ или, вѣрнѣе, послѣ полученія отвѣтной телеграммы губернатора, которая была доставлена какъ разъ въ то время, когда всѣ собрались у Попова, чтобы купно шествовать откланиваться къ отъѣзжающей персонѣ.

Необходимо пояснить, что въ то время телеграммы ходили не такъ, какъ теперь. Тогда люди меньше чѣмъ теперь пользовались этимъ способомъ сношенія другъ съ другомъ, поэтому, при соотвѣтствіи числа телеграфнымъ аппаратовъ съ количествомъ посылаемыхъ телеграммъ, послѣднія не залеживались на телеграфныхъ станціяхъ и передаточныхъ пунктахъ въ роли кандидатокъ, долго ожидающихъ своей очереди. Словомъ, практика показываетъ, что теперь телеграммы ходятъ у насъ, на югѣ Россіи, со скоростью отъ 8 до 10 верстъ въ часъ и не измѣняютъ этой, практикой установившейся скорости, даже въ экстренныхъ случаяхъ: такъ, напримѣръ, во время недавнихъ безпорядковъ на маріупольскихъ заводахъ, телеграфное сообщеніе торжественно сохраняло принципъ равноправія и телеграммы начальства аккуратно прибывали, послѣ пріѣзда лицъ, извѣщавшихъ о своемъ прибытіи и дѣлавшихъ свои предварительныя распоряженія. Но въ описываемое время такихъ прогрессивныхъ новшествъ не было; телеграммы начальнику губерніи и отъ него передавались почтительно и безъ замедленій. Конечно, намъ съ нашимъ настоящимъ каждодневнымъ опытомъ трудно повѣрить, чтобы существовало такое благодатное время, когда на телеграмму, посланную изъ Маріуполя въ Екатеринославъ получался бы отвѣтъ черезъ часъ или два часа; теперь въ по-

добномъ случаѣ, мы должны ожидать отвѣта два или три дня. Тѣмъ не менѣе, каковы бы ни были наши представленія, фактъ остается фактомъ, и въ описываемое время, получить въ Маріуполѣ отвѣтную телеграмму черезъ часъ или два, считалось нормальнымъ. Поэтому пусть читатель не удивляется тому обстоятельству, что предупрежденный Хартахаемъ начальникъ телеграфной конторы, принесъ отвѣтную телеграмму губернатора въ домъ Попова, между тремя и четырьмя часами пополудни, когда всѣ власти и именитые граждане были въ сборѣ для шествія къ высокому начальнику съ представленіемъ.

Собравшееся общество оказалось въ превеликомъ затрудненіи, вслѣдствіе того, что кучеръ Попова не узналъ, гдѣ квартира начальника ревизора. Всѣ по этому поводу охали, горячились, спорили, и единогласно критиковали несообразительность кучера. Но послѣдній не былъ виноватъ: онъ не могъ узнать, гдѣ квартира начальника, благодаря хитростнымъ дѣйствіямъ этого послѣдняго. Выѣхавъ за городъ, на гору, къ тому мѣсту, гдѣ теперь тюрьма, Ильяшенко остановилъ кучера, далъ ему на водку и приказалъ повернуть и уѣхать назадъ въ городъ. Ослушаться кучеръ не посмѣлъ и шагомъ поѣхалъ обратно, разсчитывая оглянуться и замѣтить, хотя направленіе, куда направилъ свои стопы начальникъ. Но этотъ послѣдній, вѣроятно, быстро прилегъ въ первой попавшейся рытвинѣ, потому, что кучеръ, оглянувшись никого не видѣлъ и только про себя замѣтилъ: „канулъ, какъ въ воду“. Вслѣдствіе такого оборота вещей, все общество, собравшееся у Попова, не знало что дѣлать и какими путями разыскать начальство. Изъ затрудненія всѣхъ вывела телеграмма, вскрытая Хартахаемъ; въ ней значилось: „При-

казаній уполномоченнаго не исполнять, немедленно его арестовать". Слѣдовала подпись губернатора. „Д—чъ угадалъ!"—перепуганнымъ голосомъ возопилъ стряпчій Хартахай,—„мы всѣ пойдемъ на каторгу"... У капитана Лисенко первый разъ въ жизни подкосились ноги и онъ грузно опустился на стулъ. Остальные разомъ заохали, зачмокали, застонали. Хартахай раньше другихъ постигъ произведенную телеграммой губернатора новую mise en scene и у него сейчасъ же проснулось присущее стряпчему, прокурорскому оку, усердіе найти автора преступленія и повергнуть онаго подъ карающую длань неумолимаго закона. „Господа",—первый заговорилъ онъ,—„нельзя упустить преступника!"—„Да какой онъ преступникъ, онъ невинно сидитъ въ тюрьмѣ",—послышалось въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ. Всѣ такъ освоились съ мыслью осужденія Логафетова, что почитали слова стряпчаго относящимися къ Логафетову. Хартахай взбѣсился отъ этой неповоротливости сообразительности и на кончикѣ языка висѣлъ у него отвѣтъ: „бараны"! Но лица, къ коимъ должно было приложиться сіе названіе, уже поняли свое qui pro quo, и стали совмѣстно и громко говорить что-то въ свое оправданіе, причемъ всѣ усердно увѣряли другъ друга, что они съ перваго момента, какъ увидѣли Ильяшенко, были увѣрены, что онъ шарлатанъ. Почему раньше никто не открылъ такой своей увѣренности, объ этомъ никто не сказалъ ни одного слова. Всѣ тѣмъ не менѣе говорили много съ явной тенденціей превознесть собственную свою проницательность. Въ общемъ поднялся неимовѣрный гвалтъ: всѣ представители греческаго общества жестикулировали почти всѣми органами своего тѣла, хватали другъ друга руками за воротъ сюртуковъ, тыкали пальцами другъ другу въ лицо и всѣ кричали, какъ будто соперничали между собою голосами, подобно опернымъ пѣвцамъ. Бѣдный Хартахай надор-

валъ свои голосовыя связки, прежде чѣмъ ему удалось возстановить кой какую тишину. Не теряя ни минуты, онъ сейчасъ же выработалъ планъ поимки преступника. Рѣшено было собравшихся у Попова именитыхъ города Маріуполя гражданъ направить за поисками лжеуполномоченнаго, (такъ съ этого момента Хартахай называлъ Ильяшенко), въ предмѣстье города, на Марьинскую сторону, куда всего удобнѣе было укрыться съ того мѣста, гдѣ Ильяшенко исчезъ съ глазъ кучера Попова. Засѣдатели греческаго суда должны были набрать сторожей разныхъ присутственныхъ мѣстъ, кликнуть волонтеровъ и съ этими соединенными силами пуститься въ обходъ всего города. Наконецъ капитанъ Лисенко командировалъ 3 солдатъ и одного унтеръ-офицера, тоже на Марьинскую сторону въ подкрѣпленіе къ именитымъ гражданамъ. Самъ же предсѣдатель Поповъ, стряпчій Хартахай и капитанъ Лисенко должны были оставаться недвижимо въ квартирѣ Попова и ждать извѣстій. Ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы по открытіи мѣстонахожденія лжеуполномоченнаго, немедленно отправиться къ этому послѣднему и объявить его арестованнымъ.

Поиски именитыхъ гражданъ и соединеннаго отряда, руководимаго засѣдателями были безуспѣшны; на всѣ ихъ разспросы имъ отвѣчали, что никакой начальникъ нигдѣ не проявлялся. Они ошибочно искали чрезвычайныхъ знаменій чрезвычайнаго уполномоченнаго въ видѣ развѣвающагося флага надъ домомъ, занимаемомъ этимъ послѣднимъ, или въ видѣ полосатой будки съ заключеннымъ въ ней полицейскимъ и т. п. Но такихъ знаменій не дано было имъ открыть. Именитые граждане ходили толпой, горячо разговаривали, спорили и тоже ничего знаменательнаго не открыли. Посланные же капитаномъ солдатики замѣтили возлѣ одной изъ хатъ на Марьинской сторонѣ ту самую одноконную повозку, на

которой Ильяшенко и его товарищи наканунѣ въѣхали въ г. Маріуполь. Солдатики уклонились отъ сложныхъ разсужденій и непосредственно рѣшили, что эта повозка никого иного, какъ только начальника; вѣротно въ пользу этого быстраго заключенія говорило то обстоятельство, что мѣстное населеніе не пользовалось одноконными телѣгами, а употребляло двухконныя, похожія на современные фургоны. Одинъ солдатикъ, подкравшись, заглянулъ въ окно и увидѣлъ человѣка, растянувшагося на лавкѣ; какъ заглянувшій въ окно, такъ и его товарищи опять непосредственно рѣшили, что никому иному не растягиваться на лавкѣ, какъ только начальнику и побѣжали отрапортовать о своей находкѣ капитану Лисенко.

Впередъ каюсь: на одну минуту я измѣню своей роли лѣтописца-протоколиста и не воздержусь отъ упрека, который мнѣ хочется бросить Ильяшенко. Мнѣ хочется ему сказать: „Ильяшенко, Ильяшенко, почто ты, нагрузившись достаточно за обѣдомъ у Попова, напился окончательно пьянъ, придя домой. Зачѣмъ ты, спровадивъ кучера Попова, не запрегъ своей лошади и вмѣстѣ съ твоими товарищами не переѣхалъ черезъ рѣку Кальміусъ на Донскую сторону. Для этого надо было потерять менѣе полчаса времени и черезъ какихъ нибудь полчаса никто никогда тебя не отыскалъ бы, и никто никогда не узналъ, откуда, съ неба или съ земли, появился этотъ ошеломляющій, властный уполномоченный. Какое бы осталось широкое поле любителямъ мистики излагать теорію о навожденіи, любителямъ точнаго знанія—о границахъ самообмана чувствъ, коллективнаго внушенія; а людямъ благонамѣреннымъ, трепетъ носящимъ въ душѣ, представился бы случай поговорить на тему, что никто не знаетъ ни дня,

ни часа, ниже образа и вида, въ которомъ можетъ появиться высшее начальство. О, Ильяшенко, зачѣмъ ты напился пьянъ!“.

Представители разнородныхъ властей: предсѣдатель Поповъ, стряпчій Хартахай и капитанъ Лисенко стояли въ нерѣшительности передъ дверьми того дома, въ которомъ солдатики выслѣдили предполагаемаго начальника. Никто не рѣшался войти. Предсѣдатель говорилъ въ томъ смыслѣ, что безстрашіе военныхъ людей обязываетъ капитана показать примѣръ доблести. Капитанъ ничего не говорилъ, но рѣшительно и отрицательно качалъ головой. Старожилы утверждаютъ, что капитанъ, жестоко перепугавшись послѣ полученія телеграммы губернатора, впалъ въ нервное состояніе, что сталъ всего бояться и даже „самъ себя боялся“. Хартахай намекнулъ, что Поповъ первое лицо въ городѣ, но на это, въ видѣ возраженія, получилъ отвѣтъ, что стряпчій—око закона. Наконецъ послѣ долгихъ колебаніи всѣ три представителя власти рѣшили войти вмѣстѣ. Набравшись духу, они влетѣли въ землянку, гдѣ почивалъ опьянѣвшій Ильяшенко. Онъ проснулся, протеръ глаза и, услышавъ что онъ арестованъ, такимъ громовымъ голосомъ разнесъ вошедшихъ, грозя каторгой и всѣми ужасами Сибири, что вошедшіе не выдержали отпора и бѣжали изъ хаты, вновь пораженные тревожною мыслью: а вдругъ передъ ними персона. Такъ разносить, кричать, ругать можетъ только начальство — въ этомъ всѣ трое были глубоко убѣждены. Но поглощенная Ильяшенко водка опять ему повредила. Пока Ильяшенко разносилъ, явившіяся къ нему власти задыхались не только отъ волненія, но и отъ отвратительнаго запаха сивухи, которая исходила отъ Ильяшенко, какъ изъ разлившейся бочки.

Благодаря этому Хартахай и смогъ сообразить, что настоящій начальникъ не будетъ преисполняться исключительно столь омерзительнымъ питьемъ, какъ простая сивуха; по разсужденію Хартахая, настоящая персона можетъ только для начала отвѣдать простой водки,— для открытія такъ сказать, выпивки, а излишеству предастся болѣе благородными питіями. Съ этимъ справедливымъ разсужденіемъ стряпчаго его спутники вполнѣ согласились. Всѣ трое опять вошли. Хартахай рѣшительно заявилъ, что Ильяшенко именемъ закона арестованъ и что, въ случаѣ сопротивленія, капитанъ пуститъ въ дѣло стоявшихъ у дверей солдатъ. Серьезность положенія отрезвила Ильяшенка; онъ понялъ, что доведеніе дѣла до рукопашной было-бы фатально для его престижа и онъ избралъ другой способъ сопротивленія. „Хорошо“, отвѣтилъ онъ ворвавшимся къ нему властямъ, „я пойду за вами, только знайте, что я вамъ покажу, кто я; весь вѣкъ будете плакаться!“ Ильяшенко, дѣйствительно, послѣдовалъ за Хартахаемъ, Поповымъ и Лисенко.

Было болѣе 5 часовъ пополудни; склонявшееся къ западу, яркое, весеннее солнце выглянуло изъ за разорвавшихся тучъ и мягкимъ, радующимъ взоръ свѣтомъ залило невзрачные Маріупольскіе домики, грязную немощеную улицу, Ильяшенко, Попова, Хартахая, капитана Лисенко и большую сопровождавшую ихъ толпу людей. Всѣ эти люди направлялись въ присутствіе греческаго суда, куда они скоро и прибыли безъ всякихъ инцидентовъ. Отсюда, первымъ дѣломъ, предсѣдатель суда Поповъ отправилъ въ тюрьму приказъ, который я копирую съ сохраненіемъ не только выраженій, но и орѳографіи. Вотъ этотъ приказъ: „Смотрителю Тюремнаго замка. Сейчасъ освободить изъ тюрьмы и прислать въ судъ содержащагося Николая Логафетова. Апрѣль 6 дня 1863 года. Предсѣдатель К. Поповъ“.

Согласно этого приказа Логафетовъ былъ доставленъ въ судъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ утромъ его препроводили въ тюрьму, т. е. въ кандалахъ и арестантскомъ одѣяніи.

Логафетовъ продолжалъ пребывать въ состояніи угнетенія, доведшаго его до полной апатіи; онъ молчалъ, не выражалъ радости по поводу возвращенной ему свободы, тупо и медленно озирался, и только по временамъ тяжело со стономъ вздыхалъ.

Капитанъ Лисенко былъ ни живъ, ни мертвъ, преслѣдуемый слѣдующими безъисходными думами: „если Ильяшенко шарлатанъ, капитану не избѣжать суда за содѣянное надъ Логафетовымъ; если же Ильяшенко таинственный и чрезвычайный начальникъ, какъ въ этомъ онъ продолжалъ упорно увѣрять, постоянно твердя: „попомните меня, никого не забуду“... то совсѣмъ не трудно угодить въ каторгу, если не на висѣлицу“...

Хартахай, предсѣдатель, засѣдатель и наводнившіе присутствіе суда именитые граждане пылали злобой противъ Ильяшенко, обиженные посмѣяніемъ надъ ихъ роднымъ учрежденіемъ и надъ всѣми ими.

Снявъ съ Логафетова арестантское одѣяніе, эти разсерженные люди со злобой одѣли въ него лжеуполномоченнаго.

Но заключить Ильяшенко въ кандалы греки не посмѣли; они все-таки по инерціи продолжали чувствовать совершенно ни на чемъ опредѣленномъ не основанный страхъ; вѣроятно, просто на ихъ впечатлительность дѣйствовало то обстоятельство, что Ильяшенко, не падая духомъ, продолжалъ ихъ разносить и стращать всякими ужасами; а также вѣроятно имъ импонировала сохраненная арестованнымъ манера держать себя съ неукоризненной величественностью настоящей персоны.

Но такъ какъ надо было что нибудь дѣлать съ опаснымъ узникомъ, то въ концѣ концовъ по наставленію Хартахая, судъ въ полномъ составѣ и присоединившаяся толпа именитыхъ гражданъ, всѣ вмѣстѣ, повели Ильяшенко въ тюрьму. Половину путешествіе совершили безпрепятственно.

Только со стороны русскихъ поселенцевъ, находившихся въ толпѣ, было проявлено нѣчто, похожее на манифестацію въ пользу Ильяшенко. Эти русскіе люди открыто увѣряли, что греки влекутъ въ тюрьму Великаго Князя. Конечно, если-бы такихъ протестантовъ находилось нѣсколько сотъ человѣкъ, шествію не сдобровать; оно было-бы силою остановлено и узникъ получилъ бы свободу, но на несчастье Ильяшенко такихъ русскихъ людей не было и десятка; ихъ протестъ не могъ имѣть реальнаго значенія; на нихъ никто не обращалъ вниманія. Шествіе же, когда половина пути была пройдена, пріостановилось благодаря рѣшительному дѣйствію одного изъ именитыхъ гражданъ, содѣйствовавшаго властямъ и греческому суду въ арестованіи лжеуполномоченнаго. Подобно доброму коню, получившему шпоры, онъ стремительно выскочилъ изъ толпы, сталъ на ея дорогѣ и, растопыривъ руки, во всю глотку заоралъ:

— Стой, стой, стой!...—произнося это слово то по русски, то по турецки. Задыхаясь, онъ сталъ затѣмъ говорить скоро, крича, размахивая руками и часто отплевываясь. Смыслъ его обильныхъ спѣшно сыпавшихся словъ сводился къ тому, что всѣ греки готовятъ себѣ Сибирь, каторгу, что всѣ они „дураки и бараны“, не могли понять, что они сажаютъ въ тюрьму не только Ильяшенко, но и царскій портретъ, висящій на шеѣ арестованнаго.

Многіе изъ слушавшихъ воскликнули, многіе ударяли себя собственною дланью по лбу, всѣ остановились на минуту какъ вкопанные, и затѣмъ все шествіе повернуло об-

ратно въ греческій судъ. Здѣсь люди, погалдѣвъ съ четверть часа, поспоривъ и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ обругавъ другъ друга, сняли съ шеи Ильяшенко медальонъ съ портретомъ Государя и опять повели узника въ тюрьму, куда на этотъ разъ доставили его благополучно и безпрепятственно.

Такъ кончились начальственныя похожденія Ильяшенко въ г. Маріуполѣ. Какъ видитъ читатель, они ограничились однимъ днемъ: въ 10 час. утра Ильяшенко объявился въ канцеляріи начальника команды, въ 12 час. дня свершился судъ и исполненіе его рѣшенія надъ Логафетовымъ, между часомъ и двумя состоялся обѣдъ на манеръ банкета, а къ 5 часамъ пополудни Ильяшенко уже былъ арестованъ.

Эпилогъ могъ-бы составить новую исторію, открывающую одну изъ обычныхъ страничекъ дореформеннаго суда, отживавшаго въ то время свои послѣдніе дни. Порядки эти всѣмъ хорошо извѣстны и мы будемъ кратки.

Логафетовъ, обрѣвъ свободу и возвратившись домой, долгое время оставался въ раздумьи: обрить-ли ему вторую половину головы или ждать, пока бритая половина отростетъ. Нѣсколько мѣсяцевъ ходилъ онъ съ повязаннымъ на головѣ платкомъ. Онъ кипѣлъ злобой противъ всего состава греческаго суда — бывшихъ пріятелей, и, пользуясь услугами какого-то грамотѣя, писалъ безконечныя жалобы на всѣ мѣстныя власти и особенно на предсѣдателя Попова и стряпчаго Хартахая, усматривая въ дѣйствіяхъ этихъ послѣднихъ лицъ злыя, корыстныя намѣренія противъ своей личности. Всѣ эти жалобы, несмотря на многословіе, заключали только одну улику противъ обвиняемыхъ Логафетовымъ лицъ, состоявшую въ томъ, что Ильяшенко былъ въ простомъ;

старомъ пальто и весь наружный видъ его ни мало не соотвѣтствовалъ настоящему начальнику

Такая шаткая улика оказалась, понятно, недостаточной и жалобы Логафетова по бездоказательности, оставлены безъ послѣдствій.

Но хуже всего для жалобщика было то обстоятельство, что, поразившее его въ моментъ приведенія надъ нимъ приговора въ исполненіе, угнетенное состояніе духа не только не ослаблялось, но съ каждымъ днемъ усиливалось. Онъ осунулся, избѣгалъ людей, потерялъ аппетитъ. словомъ быстро шелъ на убыль. Протянувъ въ такомъ видѣ года съ полтора, Логафетовъ умеръ.

Такъ относительно него, еще въ земныхъ условіяхъ, исполнился законъ воздаянія зломъ за зло.

Капитанъ Лисенко, Хартахай, Поповъ и члены греческаго суда около двухъ лѣтъ пребывали въ неизреченномъ страхѣ. Кромѣ Лисенко, всѣ остальныя лица, ища спасенія отъ отвѣтственности за содѣянное, обнаружили не особенно высокую культуру душевныхъ свойствъ. Поповъ, Хартахай и вообще весь составъ греческаго суда прилагали всѣ усилія, чтобы вызвать подозрѣніе, будто капитанъ Лисенко находился въ предварительномъ заговорѣ съ Ильяшенко.

Слѣды такихъ злокозненныхъ дѣйствій сохранились въ нѣкоторыхъ документахъ.

Такъ, напр., въ журналѣ „входящимъ и исходящимъ маріупольской команды на 1863 годъ“ есть указаніе, что уже 22 апрѣля маріупольскій греческій судъ отношеніемъ за № 1592 коварно просилъ капитана Лисенко увѣдомить, на какомъ основаніи начальникъ команды прибылъ съ людьми въ сей судъ 6 апрѣля для арестованія мѣщанина Логафетова“.

Капитанъ Лисенко не кривилъ душою и отношеніемъ отъ 25 апрѣля, за № 207, напрямикъ отвѣчалъ, „что прибытіе начальника команды съ конвойными людьми въ присутствіе сего суда 6 апрѣля состоялось по полученному приказу, подписанному именующимъ себя полномочнымъ Государя Императора —Ильяшенко“.

Затѣмъ, въ судебномъ дѣлѣ есть особый слѣдственный актъ отъ 14 сентября 1863 года, возникшій „по поводу неоднократныхъ ссылокъ предсѣдателя Попова и Хартахая на то обстоятельство, что невѣроятно, чтобы лжеуполномоченный Ильяшенко не имѣлъ свиданія съ капитаномъ Лисенко до прибытія въ греческій судъ“.

Но всѣ эти хитрые маневры, долженствовавшіе направить слѣдствіе въ желательномъ для Попова и Хартахая направленіи не увѣнчались успѣхомъ: слѣдствіе воочію доказало, что капитанъ Лисенко все время дѣйствовалъ, какъ бравый солдатъ, по совѣсти, bona fide.

Добродѣтель не пострадала и капитанъ Лисенко не подвергся никакому преслѣдованію. Года черезъ три онъ совсѣмъ освободился отъ страха отвѣтственности за содѣянное надъ Логафетовымъ. Когда ему приходилось разсказывать о знаменательномъ днѣ 6 апрѣля, онъ всегда и неизмѣнно впадалъ въ энтузіазмъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ глубокой старости, капитанъ скончался.

Немного сложнѣе и длиннѣе должно быть повѣствованіе о дальнѣйшей судьбѣ Ильяшенко.

Въ то время, какъ всѣ участники настоящей эпопеи пребывали въ страхѣ и трепетѣ, боясь отвѣтственности, одинъ Ильяшенко, котораго судьба висѣла на волоскѣ въ теченіе почти трехъ лѣтъ, не падалъ духомъ. Заключенный въ маріупольскую тюрьму, онъ сохранилъ такой начальственный видъ, держалъ себя такъ свысока, то порицая, то одобряя,

то награждая окружающихъ будущими обѣщаніями, что не только низшіе чины тюремной администраціи, но и самъ смотритель тюрьмы подвергся дѣйствію превеликаго сомнѣнія и смущенія. Какъ скажетъ бывало Ильяшенко съ величественной внушительностью: „Попомнишь меня! увидишь скоро, одобряю, награжу“, — то и пойдетъ въ тюрьмѣ шопотъ, отчего и происходило смятеніе тюремныхъ начальственныхъ душъ. Смущало всѣхъ, что такого преступника раньше не бывало, и поэтому неудивительно, если всѣ оканчивали свой шопотъ заключеніемъ: „нѣтъ, тутъ что-то не спроста“.

Этому смятенію душъ содѣйствовало и то обстоятельство, что внѣ тюрьмы разростался, какъ кругъ отъ брошеннаго въ воду камня, пущенный нѣсколькими русскими людьми нелѣпый слухъ, будто Ильяшенко ни кто иной, какъ Великій Князь. Авторы этого слуха основывали догадку на томъ, казавшемся многимъ убѣдительномъ соображеніи, что ни у кого на шеѣ не могло быть портрета Государя, какъ только у Великаго Князя — брата Государя.

Какъ бы то ни было, черезъ нѣсколько дней, по заключеніи Ильяшенко въ маріупольскую тюрьму, не было въ городѣ такого человѣка, который бы не слышалъ объясненія, что греки посадили въ тюрьму Великаго Князя. Этотъ слухъ не замедлилъ выйдти изъ предѣловъ города Маріуполя, и, окрѣпши, сталъ распространяться по окрестнымъ селамъ, деревнямъ и даже проникъ въ сосѣдніе города.

Достовѣрно извѣстно, что весною 1863 года, въ селѣ Максиміліановкѣ, отстоящемъ отъ города Маріуполя болѣе чѣмъ на сто верстъ, сельскій сходъ, собравшись въ присутствіи старосты, имѣлъ совѣщаніе о своихъ нуждахъ и, „между прочимъ, имѣлъ сужденіе о томъ, что господа помѣщики посадили въ тюрьму Брата Государя, а потому, поговоря между собою, постановили“...

Такъ записывалъ малограмотный сельскій писарь сущность того, что составляло предметъ разсужденій на сходѣ. По обыкновенію, онъ писалъ постановленіе схода, послѣ того, какъ этотъ послѣдній разошелся. Писарь мало думалъ о томъ, что хотѣлъ постановить сельскій парламентъ; по опыту онъ хорошо зналъ, что все имъ написанное сойдетъ за постановленіе схода; для этого вѣдь стоило ему только вписать фамиліи неграмотныхъ крестьянъ села и затѣмъ призвать одного грамотнаго крестьянина и предложить ему росписаться за себя и за неграмотныхъ; на практикѣ никогда не было примѣра отказа въ учиненіи такого пустяка, какъ росписаться, хотя ни одинъ изъ рукоприкладчиковъ никогда не интересовался знать, въ чемъ состояло постановленіе схода и вообще, что онъ подписывалъ.

Писаря затрудняло другое обстоятельство: онъ никакъ не могъ сообразить, что писать послѣ слова: „постановили". Во всѣхъ приговорахъ, написанныхъ имъ раньше, послѣ этого слова писали: распредѣлить землю, нанять пастуха, обложить платежемъ и т. д. Никакія такія слова въ данномъ случаѣ не подходили. Писарь тщетно морщилъ чело, вертѣлся на табуреткѣ, погружалъ гусиное перо въ чернильницу. Ничего не выходило.

Въ концѣ концовъ, писарь скомкалъ въ рукѣ начатое имъ постановленіе сельскаго схода.

Косность деревни препятствовала таинственнымъ слухамъ, которымъ всѣ безусловно вѣрили, вызвать какой нибудь значительный эффектъ. Люди удивлялись коварству помѣщиковъ (которыхъ, къ слову сказать, въ маріупольскомъ уѣздѣ теперь совсѣмъ нѣтъ, а въ то время было не болѣе 5 или 6 человѣкъ), и затѣмъ, пошумѣвъ иногда на сходѣ, входили въ спокойную колею деревенской жизни, не предпринимая ничего дѣйствительнаго и цѣлесообразнаго относительно возмутившихъ ихъ покой событій.

Но зато маріупольскія дамы, почуявъ таинственное, воспламенились къ Ильяшенко и старались поддержать его репутацію. Онѣ потянули въ тюрьму какъ на богомолье. Благо въ то время никакихъ тюремныхъ строгостей и формализма не практиковалось: всякій кто хотѣлъ могъ, безъ всякаго разрѣшенія, посѣщать тюрьму, когда ему было угодно и сколько разъ ему было угодно.

Боюсь, что недовѣрчивый читатель сейчасъ спроситъ: какъ-же, при такомъ отсутствіи надзора и строгостей, всѣ арестанты не убѣгали изъ тюрьмы. Замѣчу на это попрошающему, что и я ставилъ старожиламъ такой же вопросъ; они отвѣчали мнѣ, что не полагалось бѣгать и что въ то время арестантовъ бѣжало не больше, чѣмъ теперь. Всякій, молъ, зналъ, что начальство не дозволяетъ бѣжать.

Благодаря такимъ удобнымъ условіямъ для посѣщенія тюрьмы, дамы стали самымъ щедрымъ образомъ наносить визиты узнику. Ильяшенко ихъ принималъ, ни на минуту не измѣняя своей начальственной величественности, и наградилъ многихъ изъ посѣтительницъ обѣщаніемъ, что онъ ихъ въ надлежащее время вспомнитъ.

Одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ старожиловъ объяснилъ мнѣ, что дамы въ общемъ дѣлѣ ухаживанья за Ильяшенко не ссорились между собою, ибо въ это ухаживаніе романическія чувства не входили. Даже, напротивъ, проявляли самую усердную, солидарную заботливость объ Ильяшенко, онѣ съ общаго всѣхъ согласія, ввели принципъ раздѣленія труда: барыни изъ уѣзда узлами привозили для питанія узника фрукты, овощи, масло, молоко и всякую живность; городскія-же дамы ежедневно приносили въ тюрьму горячіе пирожки, обѣды, сладости и т. п. Но особенно трогательно выразилась заботливось дамъ въ доставленіи узнику всякаго потребнаго бѣлья и костюмовъ. Въ этомъ отношеніи щедрость

ихъ была такъ велика, что по свидѣтельству старожиловъ, Ильяшенко, каждый разъ, вызываемый къ слѣдователю на допросъ, являлся въ новомъ костюмѣ.

Паломничество дамъ въ тюрьму не особенно импонировало тюремной администраціи и начальнику тюрьмы. Послѣдній смотрѣлъ на дамъ, какъ на народъ несерьезный, большей частью не понимающій того, что дѣлаетъ. Но зато посѣщеніе разныхъ неизвѣстныхъ господъ, пріѣзжавшихъ издалека и усердно стремившихся и добивающихся аудіенціи у заключеннаго, продолжавшаго себя держать съ величественностью персоны наполняло ядомъ тревогъ и сомнѣній бѣдную душу начальника тюрьмы.

Окончательно его добилъ нѣкій полковникъ и нѣкій генералъ, посѣтившіе Ильяшенко въ одинъ и тотъ же день. Полковникъ, послѣ аудіенціи, быстро вышелъ, встряхнувъ всѣмъ тѣломъ и быстро ушелъ, бросивъ одно только слово: „удивительно". Генералъ-же на обращенный къ нему вопросъ: „какъ полагаете ваше превосходительство?", отвѣтилъ только „поразительно... не спроста"... и, усѣвшись въ свою коляску, запряженную тройкой добрыхъ донскихъ коней, укатилъ въ свое имѣніе на донскую сторону.

Послѣ этого начальникъ тюрьмы впалъ въ такое безпокойство, какъ будто ожидалъ, что ежесекундно надъ его тюрьмой разразится небесный огонь. Мимо камеры Ильяшенко онъ не ходилъ иначе, какъ дрожа всѣмъ тѣломъ и на цыпочкахъ. Въ его головѣ зарождалась даже мысль, что не лучше ли будетъ, если онъ явится въ камеру узника и повергнетъ къ его ногамъ всѣ ключи тюрьмы. Во всякомъ случаѣ съ каждымъ днемъ начальникъ тюрьмы все болѣе подпадалъ подъ воздѣйствіе укрѣплявшихся слуховъ, получавшихъ силу абсолютной достовѣрности и создавшихъ Ильяшенко ореолъ таинственнаго величія. Обращеніе за совѣ-

томъ къ окружающимъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, было безполезно. Люди говорили много, умно, а въ итогѣ дарили совсѣмъ безплодный совѣтъ: будьте осторожны, смотрите въ оба, поступайте, какъ лучше... Отъ столь рѣшительнаго шага, какъ поднесеніе ключей тюрьмы, начальникъ этой послѣдней былъ удержанъ только благодаря тому обстоятельству, что изъ Екатеринослава прибылъ произвести слѣдствіе особый чиновникъ губернатора, командированный своимъ начальствомъ съ этой спеціальной цѣлью.

По мѣрѣ того, какъ разросталось слѣдствіе, тюремная администрація успокаивалась.

Ильяшенко-же не падалъ духомъ и на допросѣ продолжалъ держать себя по прежнему, какъ начальникъ. На первомъ допросѣ онъ даже смутилъ слѣдователя, когда на предложеніе объяснить, чѣмъ онъ занимался, отвѣтилъ: „гдѣ нахожусь по службѣ, никому объяснить не желаю, кромѣ Государю Императору“. Но слѣдователь былъ изъ опытныхъ и не поддался первому впечатлѣнію. Онъ осторожно собиралъ слѣдственный матеріалъ, который оказался убійственнымъ для разыгрываемаго Ильяшенко фарса. Тѣмъ не менѣе это слѣдствіе не дѣйствовало угнетающе на нашего героя. Благодаря заботливости дамъ, онъ, за время пребыванія въ маріупольской тюрьмѣ, откормился, поздоровѣлъ и, прилично одѣтый, сталъ болѣе походить на персону, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда онъ въ длинныхъ смазныхъ сапогахъ и старенькомъ коричневомъ потертомъ пальто, впервые явился въ канцелярію начальника маріупольской команды. Такимъ образомъ, въ благополучномъ состояніи Ильяшенко оставался въ Маріуполѣ до осени 1863 года; затѣмъ его перевели въ Александровскую тюрьму, гдѣ онъ сразу попалъ въ тяжелую обстановку. Въ этой тюрьмѣ на него не обращали вниманія, и онъ очутился въ положеніи обыкновеннаго рядового аре-

станта. Удрученный долгимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ, Ильяшенко ухватился за послѣднее средство: онъ началъ писать длинныя прошенія на Высочайшее имя и въ Екатеринославскую палату уголовнаго суда. Въ этихъ прошеніяхъ онъ жаловался на свое положеніе въ тюрьмѣ, на свое „неограниченное жертвоприношеніе“ въ служеніи государственнымъ цѣлямъ, но ничего не помогало: судебная волокита тянулась своимъ обычнымъ ходомъ и только 26 мая 1864 года „александровскій уѣздный судъ обще съ городской ратушей“, въ качествѣ суда первой инстанціи, приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла объ Ильяшенко и его сообщникахъ: купцѣ Поддубнѣ, Мазинѣ, Колоссовскомъ и Пичахчи.

Какъ мы знаемъ, первые три изъ названныхъ лицъ встрѣтились съ Ильяшенко въ г. Бердянскѣ и два изъ нихъ сопровождали его въ Маріуполь. Что касается Пичахчи, то слѣдствіемъ было установлено, что Ильяшенко его посѣтилъ наканунѣ своихъ знаменательныхъ дѣйствій въ г. Маріуполѣ. По отсутствію достаточныхъ уликъ, на основаніи которыхъ можно было-бы установить связь въ дѣйствіяхъ Ильяшенко со всѣми названными лицами, уѣздный судъ въ своемъ вердиктѣ постановилъ означенныхъ лицъ, „прикосновенными къ сему дѣлу не считать“. (Л. д. 42 тамъ-же.) Что же касается Ильяшенко, то судъ, признавъ его дѣйствовавшимъ въ добромъ здравіи и виновнымъ, подвелъ его дѣйствія подъ большое количество тѣхъ статей изъ разныхъ концовъ большого XV т. св. законовъ, по перечисленіи коихъ, слѣдовало роковое заключеніе: а посему опредѣлилъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать Ильяшенко въ каторжныя работы безъ срока.

По счастью Ильяшенко рѣшеніе суда не было окончательно, и онъ воспользовался своимъ правомъ перенести дѣло во 2-ю инстанцію, въ Екатеринославскую палату уго-

ловнаго суда. Это судебное учрежденіе отнеслось къ участи Ильяшенко болѣе гуманно: оно обратило вниманіе на его „неограниченное жертвоприношеніе", на отсутствіе корыстной цѣли въ его дѣйствіяхъ, быть можетъ также на его роль Немезиды, воздающей каждому по дѣламъ его, и подняло вопросъ о нормальности его душевной дѣятельности въ моментъ совершенія преступленія. Правда, что этотъ вопросъ не особенно убѣдительно согласовался со всѣми обстоятельствами дѣла, что и заставило уѣздный судъ отвергнуть предположеніе о ненормальности подсудимаго; тѣмъ не менѣе, при старомъ формальномъ судѣ, таковъ былъ единственный путь для спасенія Ильяшенко. Заря новыхъ вѣяній, предшествовавшая введенію суда присяжныхъ и подготовлявшая почву для правосудія, основывающагося на принципѣ свободной совѣсти, внутренняго убѣжденія, правосудія, судящаго не только дѣянія, но и самаго преступника — эта заря вѣроятно бросила свой зарождающійся свѣтъ и въ отживавшія послѣдніе дни старыя судебныя учрежденія. Формализмъ въ въ дѣйствительности слабѣлъ, и это принесло спасеніе Ильяшенко. Екатеринославская палата уголовнаго суда отнеслась къ преступленіямъ Ильяшенко не только съ точки зрѣнія удовлетворенія канцелярскихъ, формальныхъ условій; она тщательно разобрала внутреннюю сторону дѣяній подсудимаго и нашла, что Ильяшенко дѣйствовалъ не въ здравомъ умѣ, а потому рѣшеніемъ, состоявшимся 2 августа 1865 года опредѣлила: преступленія совершенныя отставнымъ чертежникомъ Ильяшенко не вмѣнять ему въ вину.

Освобожденіе Ильяшенко отъ всякаго уголовнаго наказанія вызвало приливъ бѣшенства у стряпчаго Хартахая. Его раздражала мысль, что судебное учрежденіе косвенно признало, что не только всѣ Маріупольскія власти, но и онъ, Хартахай, стряпчій, стражъ закона, принималъ сума-

свѣдшаго за высокопоставленную персону. Вотъ почему, воспользовавшись своими прокурорскими правами, какъ стряпчій, Хартахай разразился жалобой въ сенатъ на рѣшеніе Екатеринославской палаты уголовнаго суда. На многихъ листахъ доказывалъ онъ правительствующему сенату, что у Ильяшенко умъ самый здравый, что всѣ его поступки въ Маріуполѣ верхъ цѣлесообразности и разумности, что едва оправданный Ильяшенко тотчасъ же получилъ мѣсто съ годовымъ окладомъ въ 300 руб. въ Екатеринославской городской думѣ и т. д. Но всѣ эти доводы оказались тщетными: сенатъ оставилъ протестъ Хартахая безъ уваженія, удержавъ съ него въ пользу казны 3 руб. 60 коп. пошлинъ за неправильную жалобу. (Л. д. 156—158 тамъ же). До рѣшенія сената Хартахай очень горячо выражалъ свое негодованіе противъ рѣшенія палаты и всякаго встрѣчнаго обдавалъ фразой: „помилуйте, какой же онъ сумасшедшій, развѣ бы я могъ исполнять приказанія сумасшедшаго"!... Увѣдомленный о рѣшеніи сената, Хартахай примолкъ и только отплевывался, когда заходила рѣчь объ Ильяшенко.

Но стряпчаго и весь составъ суда ожидало еще большее огорченіе. Въ январѣ 1869 года утверждено опредѣленіе палаты такого содержанія: „Бывшимъ членамъ маріупольскаго греческаго суда: Попову, Газанджи, Ганжи, Оксюзову и секретарю Хартахаю виновнымъ въ бездѣйствіи власти сдѣлать на основаніи 343 ст. улож. о нак. замѣчаніе".

„Вотъ такъ правда",—говорили осужденные. „Вмѣсто того, чтобы пожалѣть людей, надъ которыми поглумился, насмѣялся шарлатанъ, ихъ обвиняютъ въ преступленіи по должности"!

Вѣроятно, нѣкоторыя лица спросятъ меня, зачѣмъ я возстановилъ всю эту маловѣроятную, фантастическую исто-

рію, въ дѣйствительность которой никто бы не повѣрилъ, если бы я въ своемъ изложеніи не опирался на безспорныя доказательства. Отвѣчу кратко. Мнѣ хотѣлось этой исторіей показать прежде всего, насколько городъ Маріуполь, получившій въ семидесятыхъ годахъ городское самоуправленіе на началахъ не исключительности, но равенства всѣхъ передъ закономъ, подвинулся впередъ въ своемъ развитіи. Не только въ настоящіе дни, но уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ исторія Ильяшенко казалась маріупольцамъ какимъ-то чудовищнымъ сномъ; до такой степени являлось бы совершенно невозможнымъ повтореніе чего либо подобнаго тому, что продѣлалъ Ильяшенко. Но отмѣчая такого рода прогрессъ, я въ тоже время хочу напомнить, что и по нынѣ въ маріупольскомъ уѣздѣ, какъ и во многихъ другихъ уѣздахъ, можно встрѣтить большія и малыя села, гдѣ свободно и сегодня можно повторить опытъ Ильяшенко, продѣланный имъ 37 лѣтъ тому назадъ. Мнѣ лично извѣстенъ случай, когда одинъ господинъ, получивъ въ даръ отъ казны имѣніе за свою службу и поселившись, по выходѣ въ отставку, на подаренной землѣ, заблагоразсудилъ присвоить себѣ неограниченную власть въ смыслѣ контроля и управленія дѣлами ближайшихъ сельскаго и волостного правленій. Это случилось за нѣсколько лѣтъ до введенія института земскихъ начальниковъ. Вновь появившійся землевладѣлецъ, опираясь на газетные слухи о будущей роли земскихъ начальниковъ и весьма ошибочно объявивъ, что онъ именно получитъ названную должность, фактически присвоилъ себѣ такія права, какихъ не получили и будущіе представители судебно-административной власти. Такъ управленіе этого начальника-волонтера благополучно продолжалось два года, до тѣхъ поръ, пока не явился настоящій земскій начальникъ, упразднившій его фактическую, въ предѣлахъ волости, государственную

дѣятельность. Продѣлка Ильяшенко и всѣ подобныя невѣроятныя шутки вытекаютъ изъ одного общаго источника: изъ полнаго отсутствія въ нашемъ обществѣ элементарныхъ представленій о дѣйствующихъ учрежденіяхъ, законахъ правахъ и обязанностяхъ.

Но этотъ фактъ я раньше подробно указывалъ въ своихъ относящихся къ этому предмету работахъ: равнымъ образомъ, я указывалъ па удачную попытку нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ ввести элементарное ознакомленіе съ существующимъ государственнымъ и юридическимъ строемъ страны въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Тогда же я объяснилъ, что настала пора осуществить ту же попытку и среди нашего крестьянскаго населенія. (П. В. Каменскій. Преподаваніе гражданской морали въ народныхъ школахъ. 1896 г. Харьковъ).

Наконецъ, возстановляя исторію Ильяшенко я считалъ, что этотъ маленькій эпизодъ интересенъ тѣмъ, что онъ является прямымъ результатомъ тѣхъ вѣяній, благодаря которымъ держалось убѣжденіе, что для блага общежитія нужны правители, знающіе только исполнительность, дисциплину и проникшіеся сознаніемъ, что они „не могутъ смѣть свое сужденіе имѣть“.

Мысль, что органы власти должны быть, хотя бы въ скромной мѣрѣ, просвѣщенными людьми съ устойчивыми морально-правовыми представленіями считалась не только заслуживающей вниманія, но просто вольнодумствомъ. Помилуйте, говорили въ то время, (да и теперь подъ часъ повторяютъ такъ называемые ревнители порядка), къ чему эти громкія слова, и безъ нихъ люди жили,— главное, чтобы чиновники дѣло дѣлали и прежде всего въ точности исполняли приказанія начальства безъ хитростныхъ размышленій; тогда наша общественная жизнь быстро освободится отъ тяготѣющихъ

надъ ней недостатковъ. Сердцу сторонниковъ такого взгляда долженъ быть очень любезенъ капитанъ Лисенко. Онъ вѣдь такъ былъ выдрессированъ своей эпохой, что только и жаждалъ исполнять, не разсуждая. А вѣдь плохо могло придтись маріупольскимъ обывателямъ, если бы Ильяшенко, ошалѣвши отъ удачнаго исполненія своей роли, приказалъ дисциплинированному капитану колоть или стрѣлять греческій судъ и именитыхъ гражданъ. Капитанъ Лисенко не замедлилъ бы показать столь желанную исполнительность; не даромъ капитанъ въ своихъ позднѣйшихъ признаніяхъ торжественно и съ паѳосомъ объявилъ: „прикажи Ильяшенко стрѣлять, всѣхъ-бы перестрѣлялъ, прикажи колоть, всѣхъ перекололъ-бы“. Хорошо, что дѣло ограничилось лишь бритьемъ головы.

